

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему Комбинированная реорганизация коммерческих организаций

Обучающийся

Д.С. Павловская

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат юридических наук, доцент Е.В. Чуклова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие, виды и формы комбинированной реорганизации коммерческих организаций.....	9
1.1 Комбинированная реорганизация: понятие, история формирования в российском законодательстве.....	9
1.2 Виды и формы комбинированной реорганизации.....	18
Глава 2 Порядок проведения комбинированной реорганизации.....	27
2.1 Особенности принятия решения о комбинированной реорганизации.....	27
2.2 Проблемы формирования органов управления.....	31
2.3 Ответственность членов органов управления и иных лиц при проведении комбинированной организации. Гарантии прав участников.....	34
Глава 3 Правовые проблемы оспаривания комбинированной реорганизации.....	42
3.1 Оспаривание комбинированной реорганизации по причинам недействительности и признания несостоявшейся.....	42
3.2 Реорганизация как причина возникновения признаков несостоятельности (банкротства)	57
Заключение.....	70
Список используемой литературы и используемых источников.....	73

Введение

Актуальность представленной темы обуславливается следующими обстоятельствами. Изменения, внесённые в 2014 г. в гражданское законодательство, регулирующие вопросы деятельности коммерческих организаций, закрепили возможность проведения в отношении последних так называемой комбинированной реорганизации. Её главной целью законодатель посчитал упрощение процессов объединения и деления бизнеса путём применения единой процедуры с очевидной экономией времени. Между тем, следует констатировать, что несмотря на то, что институты комбинированной реорганизации в отношении всех видов юридических лиц введены ещё в 2014 г., в настоящий момент их использование на практике является довольно ограничено, что прежде всего обуславливается недостатками правового регулирования. Налицо правовая неурегулированность и неопределённость отдельных правовых положений проведения такой реорганизации. Это в свою очередь даёт возможность указать на то, что в настоящее время эффективный механизм правовой регламентации института комбинированной реорганизации коммерческих организаций в российском правовом порядке в полной мере ещё не сложился. Современная судебная практика также почти не содержит дел, связанных с вопросами проведения сложных реорганизаций, как на уровне Верховного Суда РФ, так и на уровне окружных арбитражных судов и арбитражных судов апелляционной инстанции.

Перечисленные причины, по сути, если не делают невозможным, то как минимум крайне затрудняют применение комбинированных реорганизаций на практике. В свою очередь это определяет необходимость комплексного осмысления данной категории в контексте общего понятия института реорганизации и выявления возможных проблем применения имеющихся нормативных правовых норм и установления пробелов для дальнейшего совершенствования правовой регламентации в указанной сфере.

Степень разработанности темы. Институт реорганизации юридических лиц в целом в правовой теории достаточно разработан как в работах советских, так и современных цивилистов. В то же время исследований, посвящённых непосредственно комбинированной реорганизации, на настоящий момент сравнительно мало. В числе первых крупных исследований следует признать диссертационную работу Т. А. Нуждина «Комбинированная реорганизация коммерческих организаций», основанных на ней одноимённую монографию и несколько научных статей, рассматривающих понятие, правовую природу и классификацию комбинированной реорганизации, а также понятие и модели смешанной реорганизации. Т. А. Нуждин одним из первых в современной правовой доктрине анализирует основные концептуальные и процессуальные проблемы комбинированной реорганизации.

Общие положения о реорганизации и ее разновидностях приводятся в научной и учебной литературе по корпоративному праву под редакцией И. С. Шиткиной, Н. Г. Семилютиной. Отдельные вопросы реорганизации вообще и комбинированной реорганизации юридических лиц в частности изучаются в немногочисленных научных статьях, прежде всего современных авторов, в том числе практикующих специалистов в сфере корпоративного права: А. А. Асташкиной, А. М. Беляловой, А. Ф. Будаевой, М. Буныкина, А. В. Венедиктова, А. А. Глушецкого, А. О. Голлоева, Е. В. Келаревой, А. А. Пахарукова, С. Ю. Стародумовой, Д. Федорчука, В. Г. Филиппова, Д. С. Филякиной, Т. Т. Чумбадзе и др. Есть примеры и в зарубежной литературе

В целом можно утверждать, что институт комбинированной реорганизации в настоящее время является относительно новым и недостаточно изученным в специальной юридической литературе, что обуславливает необходимость его дальнейшего исследования.

Целью данного исследования является анализ института комбинированной реорганизации коммерческих организаций по

действующему российскому законодательству. Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие задачи:

- определить понятие комбинированной реорганизации коммерческих организаций и рассмотреть основные этапы формирования данного института в отечественном законодательстве;
- изучить основные виды и формы комбинированной реорганизации коммерческих организаций;
- выявить особенности принятия решения о комбинированной реорганизации коммерческих организаций;
- определить проблемы формирования органов управления при комбинированной реорганизации коммерческих организаций;
- проанализировать вопросы ответственности членов органов управления и иных лиц при проведении комбинированной реорганизации коммерческих организаций и гарантии прав её участников;
- установить правовые проблемы оспаривания комбинированной реорганизации по причинам недействительности и признания несостоявшейся;
- рассмотреть комбинированную реорганизацию как причину возникновения признаков несостоятельности (банкротства);
- на основе полученных в исследовании вопросов сформулировать некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего проведение комбинированной реорганизации коммерческих организаций.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе проведения комбинированной реорганизации коммерческих организаций.

Предметом исследования выступают теоретические аспекты института комбинированной реорганизации коммерческих организаций, особенности

порядка проведения комбинированной реорганизации, а также некоторые правовые проблемы её оспаривания по действующему российскому законодательству.

Методологию исследования составили общий диалектический метод исследования, а также частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, анализ и синтез, системно-структурный, формально-юридический и некоторые другие.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём рассмотрены теоретические и правовые основы комбинированной реорганизации коммерческих организаций и выявлены некоторые проблемы правовой регламентации оспаривания комбинированной реорганизации коммерческих организаций.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что в нём проведён теоретический анализ положений действующего законодательства, регулирующего институт комбинированной реорганизации коммерческих организаций, выявлены некоторые пробелы и проблемы правовой регламентации данной сферы, а также сформулированы некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства. Кроме того, основные положения исследования могут быть использованы в качестве дополнительных материалов по курсам гражданского, корпоративного и предпринимательского права.

Полученные в результате исследования выводы получили своё отражения в положениях, выносимых на защиту.

Во-первых, предусмотреть в действующем законодательстве норму, которая указывала бы, что в случае реорганизации в форме присоединения, осуществляемой параллельно с преобразованием, соответствующее решение должно быть принято на едином общем совместном собрании без проведения отдельных собраний в рамках участвующих в реорганизации организаций.

Во-вторых, в случае, когда имеет место комбинированная реорганизация при формировании органов управления коммерческой организации на

заключительной стадии реорганизационных процедур необходимо руководствоваться порядком формирования данных органов для соответствующей организационно-правовой формы, как если бы данная организация была создана вновь, что следует закрепить на законодательном уровне.

В-третьих, установить единый запрет на преобразование как коммерческих организаций в некоммерческие, так и некоммерческих – в коммерческие (исключение должны составлять лишь преобразования некоммерческих организаций в хозяйственные общества в отношении организаций со специальной правосубъектностью – публично-правовых компаний, обществ взаимного страхования и кредитных кооперативов).

В-четвертых, законодательно закрепить детальный механизм привлечения ответственных лиц к солидарной ответственности при проведении комбинированных организаций, а также закрепить на законодательном уровне ответственность за принятие решение о реорганизации общества, вследствие которого у первичного общества образовались признаки несостоятельности (банкротства).

В-пятых, закрепить на законодательном уровне подачу единого уведомления о любой реорганизации независимо от того, является она обычной или комбинированной в обязательных формах документов, утверждённых актами Федеральной налоговой службы РФ.

В-шестых, ответственное лицо, осуществляющее публикацию о проведении комбинированной реорганизации, должно быть указано в решении о реорганизации, а отсутствие таких сведений должно рассматриваться как безусловное нарушение прав кредиторов с применением иных правовых последствий, установленных ст. 60 ГК РФ [11].

В-седьмых, дополнить ст. 60.1 ГК РФ и нормы специальных законов положением о том, что при реорганизации в форме разделения или выделения, при которой образуются юридические лица иных организационно-правовых форм, каждый участник, кто голосовал против такой реорганизации, не

принимал участия в голосовании либо голосовавший за принятие решения или воздержавшийся от голосования в случаях, если его волеизъявление при голосовании было нарушено, должен получить доли (паи, акции) каждого создаваемого путём реорганизации в форме разделения или выделения юридического лица иной организационно-правовой формы, предоставляющие те же права, что и принадлежащие ему доли (паи, акции) реорганизуемого общества, пропорционально их числу.

Гипотеза исследования: предполагается, что исследование проблемы правового регулирования проведения комбинированной реорганизации позволят нам сформулировать предложения по его совершенствованию с целью снижения рисков кредиторов при проведении комбинированной реорганизации.

Работа выполнена на 81 странице и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, виды и формы комбинированной реорганизации коммерческих организаций

1.1 Комбинированная реорганизация: понятие, история формирования в российском законодательстве

Современный российский правопорядок ранее не встречался с институтом комбинированной реорганизации. Само понятие «реорганизация» не применялось в дореволюционном русском праве. Вместе с тем уже тогда зародился прообраз реорганизации и ликвидации в их нынешнем понимании. Как отмечает А. М. Беялова, в дореволюционных правовых источниках встречаются упоминания о возможности деления товарищеского имущества, что «с определённой долей условности можно рассматривать как прообраз разделения в его нынешнем значении» [2, с. 15-16].

В качестве одного из наиболее известных примеров проведения реорганизации в дореволюционное время можно назвать создание из двух частных компаний 3 августа 1798 г. иркутскими компаньонами одну – Российско-американскую компанию. Уже через год Павел I издал указ, где предусматривалось, что «Компания сия не вновь учреждается, но составляется из двух частных компаний Голикова с Шелиховою и Мыльниковою с товарищами» [32]; текст указа содержал термины «соединение» и «составление».

Прочие примеры реформирования юридических лиц, имеющиеся в дореволюционный период и рассмотренные в отечественной правовой доктрине, позволяют прийти к выводу о том, что в то время ещё не имелось ни единой терминологической базы в отношении реорганизуемых компаний, ни общепринятых механизмов проведения реорганизации ни на практике, ни в правовых актах [2, с. 17].

Между тем, в дореволюционных научных кругах обнаруживается работа А. В. Венедиктова, посвящённая вопросам слияния акционерных компаний.

Проводя анализ понятия «слияние», автор указывает, что русские правоведы используют его применительно «...ко всем формам предпринимательских соединений, хотя бы они были основаны на договоре или контроллинге товариществ – с одновременным учреждением нового товарищества (эventуально, договором купли-продажи или увеличением капитала присоединяющего товарищества)» [6], что можно считать неким прообразом такой формы современной реорганизации, как преобразование.

В послереволюционный период правовые акты в отношении института реорганизации по большей части опирались на терминологию дореволюционных документов. Первые годы советской власти ознаменовались принятием достаточно большого количества декретов, где прописывались, хоть и фрагментарно, некоторые организационные трансформации частных хозяйствующих субъектов. Прежде всего это было обусловлено политикой того времени, которая одной из своих целей называла национализацию частной собственности. В то же время уже раннее законодательство советского периода содержало термин «реорганизация». Так, его использовал законодатель в Декрете СНК РСФСР от 10 октября 1918 г. «О национализации сберегательно-вспомогательных касс российских железных дорог» [33].

В то же время анализ ранних советских правовых документов показывает, что преимущественно они, применяя указанный термин, по сути, регламентировали совершенно иные вопросы, с современным институтом реорганизации коммерческих организаций не связанные.

Немногим позже вопросы о реорганизации трестов стало регламентировать утверждённое Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 июня 1927 г. [47] Положение о государственных промышленных трестах.

В том же году ЦИК СССР и СНК СССР приняли детальные правила соединения, присоединения и разделения в отношении акционерных обществ (далее – АО) (см. Положение об акционерных обществах, утверждённое

Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР 17 августа 1927 г. [50]). Вскоре также появилась отдельная глава о соединении и разделении хозяйствующих субъектов в сфере сельскохозяйственной кооперации [48].

В целом анализ законодательных положений о реорганизации и ликвидации советского периода показывает, что в советский период реорганизация не представляла собой отдельно выделенный правовой институт, а являлась одним из способов ликвидации юридического лица.

Даже в принятом гораздо позже Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. [15] норм о таких формах реорганизации, как выделение и преобразование, не имеется. Объяснить это можно тем, что вопросы о реорганизации юридических лиц регламентировались отдельным законодательством СССР и Постановлением Совета министров РСФСР.

В то же время следует уточнить, что общий порядок реорганизации был введён законодателем только в 1982 г. с принятием Положения о порядке создания, реорганизации и ликвидации предприятий, объединений, организаций и учреждений [38]. Данное положение, кроме отдельных исключений, является действующим и в настоящий момент.

Следующим этапом становления и развития института реорганизации юридических лиц можно считать период становления рыночных отношений с 1990-х гг. Среди нормативных актов, изданных в это время, в отношении рассматриваемого института реорганизации прежде всего выделяется Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [39]. В нём, как и ликвидация, реорганизация по-прежнему считалась формой прекращения юридического лица, однако появились дополнительные формы последней (п. 1 ст. 37 Закона), соответствующие имеющимся в современном законодательстве и практике.

В научной литературе отмечается, что нормативные акты периода до 1994 г., которые каким-либо образом регулировали вопросы реорганизации юридических лиц, по большей части имели специальный характер [2, с. 21].

Дальнейшее развития экономической системы, обусловившей появление новых видов коммерческих организаций, привело к постепенному усовершенствованию вопросов проведения реорганизации. Прежде всего своё закрепление они получили в ст. 57-60 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [11] (далее – ГК РФ), которой устанавливаются общие положения о реорганизации юридических лиц. Кроме того, отдельные положения о реорганизации можно встретить и в иных частях ГК РФ при этом все они не имели уточнений о возможности проведения в отношении коммерческих организаций комбинированной реорганизации.

Однако некоторые нормативные положения о комбинированной реорганизации появились в специальном законодательстве. Так, в 2006 г. в Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [43] (далее – ФЗ № 208) была введена ст. 19.1. Согласно её содержанию решением общего собрания акционеров общества о реорганизации общества в форме его разделения или выделения может быть предусмотрено в отношении одного или нескольких обществ, создаваемых путём реорганизации в форме разделения или выделения, положение об одновременном слиянии создаваемого общества с другим обществом или другими обществами либо об одновременном присоединении создаваемого общества к другому. В последующем такой тип реорганизации стали называть совмещённой реорганизацией.

Вместе с тем, даже подобная легализация института совмещённой реорганизации в специальном законе не привела к его дальнейшему развитию. Среди основных причин в научных кругах назывались прежде всего отсутствие законодательного закрепления данного правового института в ГК РФ, наличие множества нестыковок между гражданским и налоговым законодательством и законодательством о регистрации юридических лиц, а также имеющиеся пробелы в законодательстве о рынке ценных бумаг [9, с.

Настоящий момент можно считать неким переходным периодом института реорганизации коммерческих организаций. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – ФЗ № 99) ГК РФ законодателем была введена возможность проведения реорганизации коммерческих организаций с одновременным сочетанием её различных форм, предусмотренных ч. 1 ст. 57 ГК РФ. Именно данная норма положила начало легальному закреплению института комбинированной реорганизации коммерческих организаций.

Однако следует констатировать, что в настоящее время нормы, посвящённые порядку проведения такого типа реорганизации, имеются только в ч. 1 ст. 57 ГК РФ. Законодатель лишь предусмотрел возможность её проведения, однако упустил особенности регулирования самой процедуры. Особенности разделения или выделения АО, осуществляемых одновременно со слиянием или присоединением, по-прежнему регулируются ст. 19.1 ФЗ №

Кроме того, в плане развития правового регулирования реорганизации следует уточнить, что из ст. 59 ГК РФ было исключено понятие разделительного баланса, которое в то же время сохранилось в абз. 3 и 4 п. 6 ст. 15, подп. 7 п. 3 ст. 18, подп. 7 п. 3 ст. 19 и п. 8 ст. 19.1 ФЗ № 208, а также в п. 2 ст. 54 и п. 2 ст. 55 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [44] (далее – ФЗ № 14); кроме того, в п. 2 и 4 ст. 60 ГК РФ были усовершенствованы положения ГК РФ о гарантиях прав кредиторов при осуществлении реорганизации; также получили своё законодательное закрепление особенности реорганизации кредитных организаций и т. д.

Анализируя вопросы правового регулирования института комбинированной реорганизации, нельзя не рассмотреть распоряжение Правительства РФ 2020 г. № 1723-р [46]. Как отмечается в научной литературе,

«от законопроекта ожидалось, помимо детального регулирования процедур, проработать нормы, направленные на обеспечение защиты прав инвесторов в процессе осуществления совмещённых и смешанных реорганизаций» [20, с

Следует отметить, что комбинированная реорганизация хозяйствующих субъектов, подразумевающая сочетание различных форм реорганизации, наличествует в немецком и чешском правовых порядках. К примеру, Закон о реорганизации Германии 1994 г. [18] позволяет в одной процедуре совмещать реорганизацию в разных формах. Подобные нормативные положения содержатся и в Законе Чехии 2008 г. «О реорганизации торговых товариществ и кооперативов» [78, с. 218], которым разрешена реорганизация с комбинацией различных способов.

Именно на базе названных законов немецкого и чешского правовых порядков Минэкономразвития РФ был предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части приведения положений о реорганизации хозяйственных обществ в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Законопроект). Следует отметить, что, хотя данный Законопроект принят не был, необходимо рассмотреть его основные положения в части проведения комбинированных реорганизаций.

Так, Законопроект включает две статьи, где говорится о двух видах комбинированных реорганизаций хозяйствующих субъектов. Первый – это реорганизация, проводимая с сочетанием различных её форм в одно и то же время в любых их сочетаниях, кроме прямо перечисленных. Данные нормы для ФЗ № 208 и ФЗ № 14 будут новыми. Второй вид подразумевает возможность разделения/выделения, которые проводятся одновременно со слиянием/присоединением. В отношении АО данная норма расширяется (ст.

Законопроектом подразумевался уточнённый момент завершения процедуры комбинированной реорганизации при реорганизации обществ в форме разделения или выделения, осуществляемой одновременно с реорганизацией в форме слияния. Так, в редакции законопроекта реорганизация в форме слияния будет считаться завершённой с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) записи о прекращении юридического лица, создаваемого в результате реорганизации в форме разделения или выделения. Такая запись вносится одновременно с внесением в ЕГРЮЛ записи о государственной регистрации юридического лица, создаваемого в результате реорганизации в форме разделения или выделения. При этом сначала вносится запись о государственной регистрации создаваемого юридического лица, а затем вносится запись о его прекращении.

Что касается понятия комбинированной реорганизации, действующим российским законодательством оно не предусматривается. В ст. 57 ГК РФ данное понятие также прямо не раскрывается, приводятся лишь основные признаки, при которых данный способ реорганизации возможен: в такой организации могут участвовать два и более юридических лица; участвующие в такой реорганизации юридические лица могут иметь различную организационно-правовую форму; ГК РФ или другим законом должна быть предусмотрена возможность преобразования юридического лица одной из таких организационно-правовых форм в юридическое лицо другой организационно-правовой формы.

Как отмечается в специальной научной юридической литературе, «по смыслу ст. 57 ГК РФ указанные признаки являются единственными и отсутствие какого-либо из них делает анализируемый вид реорганизации невозможным» [с. 87].

Вместе с тем, на необходимость в подобной реорганизации указывалось ещё до введения рассматриваемой нормы в ГК РФ. Как поясняет Е. А. Суханов,

однородных юридических лиц, на которой настаивали представители российского бизнеса» [76, с. 98].

В научной литературе также отмечается, что «благодаря введённой новелле во многих практических ситуациях процедура реорганизации станет проще и удобнее, и не только в правовом плане, но и с точки зрения тех экономических задач, которые ставят перед собой хозяйствующие субъекты» , с. 6].

Вместе с тем, нередко высказывается мнение, что «осуществление на практике такого рода реорганизации может вызвать значительные трудности, связанные с усложнением правового регулирования возникающих отношений и в результате привести к нарушению прав участников гражданских правоотношений» [76, с. 98].

Так или иначе, реорганизация вне зависимости от её формы, приводит к следующим последствиям: изменению организационно-правовой формы и (или) устава, в особенности в части прав и обязанностей участников; изменению суммы уставного капитала, а также сопровождающему такое изменение размыванию доли участия (т. е. изменению объёма участия отдельных лиц), что в свою очередь обуславливает и изменение объёма корпоративных прав; прекращению коммерческой организации.

В целом, как отмечает В. Г. Филиппов, современная гражданско-правовая доктрина формулирует два основных подхода к пониманию правовой природы комбинированной реорганизации. Первый предлагает считать такую реорганизацию отдельной (особой) формой, имеющей свою правовую регламентацию, несмотря на то, что законодатель вообще не признаёт комбинированную реорганизацию таковой. Другой подход называет рассматриваемый тип реорганизации новым способом (но не формой) её проведения. Как отмечается, «такой способ осуществления реорганизации бывает востребован, в частности, при реструктуризации активов холдинговой компании, когда организации требуется оставить долги в «убыточной» фирме,

а все активы и имущество передать иной компании, а также при продаже бизнеса, не обременённого обязательствами» [76, с. 99].

И. С. Шиткина, комбинированной организацией называет «такую реорганизацию юридического лица, когда одним решением о начале реорганизации «запускается» реализация организационных изменений, охватываемых (регулируемых) двумя и более формами реорганизации» [21, с.

Т. А. Нуждин предлагает считать комбинированной организацией все сложные реорганизации, закреплённые в абз. 2 и 3 п. 1 ст. 57 ГК РФ.

Именно Т. А. Нуждин придерживается второго вышеназванного подхода, который представляет комбинированную реорганизацию способом реорганизации, комбинирующим в пределах единого процесса применение различных форм реорганизации и «сочетание посредством участия (либо создания) отличных друг от друга организационно-правовых форм юридических лиц, что выражается в сложном юридико-фактическом составе, включающим в себя юридический акт (решение о проведении реорганизации), группу последовательно наступающих юридических фактов (определение объёма правопреемства, составление передаточного акта), административный акт (акт о государственной регистрации реорганизованного (реорганизуемых) юридических лиц) и (в предусмотренных законом случаях) гражданско-правовую сделку (договор о слиянии или договор о присоединении)» [26, с.

Он же выделяет три основных вида комбинированной реорганизации – смешанную, совмещённую и комплексную (является сочетанием двух первых видов).

Вслед за Т. А. Нуждиным единым термином «комбинированная организация» предлагает называть институты совмещённой и смешанной реорганизации А. О. Голлоев [9, с. 103].

До появления диссертационного исследования Т. А. Нуждина о комбинированной реорганизации и введения в научный оборот

рассматриваемого термина правовую природу анализируемого института рассматривали с трёх позиций. Первую, как уже отмечалось, составляли мнения правоведов (В. А. Белов, А. А. Глушецкий), представлявших комбинированную реорганизацию самостоятельной формой реорганизации. Вторая позиция заключалась в том, что комбинированную реорганизацию считали (В. В. Ровный) двумя объединёнными в один самостоятельными реорганизационными процессами. Третья точка зрения (А. В. Габов, Д. И. Степанов, Е. Якутик) заключалась в том, что комбинированная реорганизация – это «единый сложный процесс с особой правовой природой» [20, с. 87].

Всё это в совокупности свидетельствует о едином длительном процессе, имеющем место при осуществлении комбинированной реорганизации.

1.2 Виды и формы комбинированной реорганизации

Анализ специальной научной литературы показывает, что на основании положений действующего российского законодательства правоведы предлагают разграничивать виды реорганизаций по способу их проведения. Данное основание, по мнению Т. А. Нуждина, позволяет выделить обычную и комбинированную реорганизацию; комбинированная, в свою очередь, подразделяется на подтипы (смешанную, совмещённую и комплексную реорганизацию) [25, с. 151].

Смешанная реорганизация в данном контексте представляет собой «способ реорганизации, где участвуют либо образуются юридические лица различных организационно-правовых форм и в отношении которых законодательством предусмотрена возможность преобразования каждого из указанных лиц друг в друга» [28, с. 60],[42]; совмещённая реорганизация представляется в качестве «способа реорганизации, который представляет собой многоступенчатый единый юридический процесс, при котором юридические лица определённой организационно-правовой формы с целью, определённой конечным этапом реорганизации, принимают решения

(отдельные или совместное) о реорганизации с сочетанием её различных форм, предусмотренных действующим гражданским законодательством» [28, с

; комплексная реорганизация является «сложным способом реорганизационных процедур, представляющим собой единовременное сочетание нескольких видов реорганизации» [28, с. 60]. А. Нуждин предлагает дополнительную дифференциацию подтипов реорганизации. Так, исходя из конечной цели реорганизации он предлагает разделить совмещённую реорганизацию на консолидирующую модель (если результатом подразумевается слияние/присоединение) и трансформационную модель (если итогом реорганизации выступает преобразование, подразумевающее изменение организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта). При этом, как он отмечает, «в зависимости от того, установлена ли возможность двухстороннего либо только одностороннего преобразования таких организаций, смешанная реорганизация будет носить либо универсальный (может проводиться в любых комбинациях), либо ограничительный характер (при осуществлении реорганизации необходимо учитывать ограничения, установленные действующим законодательством)» [26, с. 16-17].

Вместе с тем, некоторые современные авторы [79],[80],[81] указывают, что совмещённые типы реорганизации будут наличествовать в случае при проведении реорганизации с сочетанием основных форм с участием хозяйствующих субъектов с разными организационно-правовыми формами

Между тем, указанная выше классификация комбинированной реорганизации Т. А. Нуждина вызывает в современной правовой доктрине и вполне справедливую, на наш взгляд, критику. Так, Д. С. Филякина полагает, что «на базе неполных четырёх строк закона возникла сложная теория «комплексной», «смешанной», «совмещённой», «сочетаемой», а также «обычной» реорганизаций, которые имеют специфику, позволяющую отличить их как от обычной формы реорганизации, так и друг от друга» [77, с.

, с чем мы склонны согласиться, поскольку даже в действующем законодательстве не приводится настолько подробная дифференциация видов реорганизации. Как представляется, для упрощения дальнейшего правоприменения в данном вопросе следует ограничиться делением видов реорганизаций на общую (использование какой-либо одной формы, предусмотренной законом) и комбинированную (единовременное применение нескольких форм реорганизации в едином процессе реорганизации).

В действующем ГК РФ отсутствует правовое определение реорганизации, соответственно и комбинированной. Между тем, ГК РФ предусматривает пять форм общей реорганизации: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. Определения указанных понятий содержатся в положениях ФЗ № 208. Так, в силу п. 1 ст. 16 ФЗ № 208 слиянием обществ признаётся создание нового общества путём передачи ему прав и обязанностей двух или более сливающихся обществ и прекращение сливающихся обществ, а присоединением обществ считается прекращение одного или нескольких обществ с передачей их прав и обязанностей другому обществу (п. 1 ст. 17 ФЗ № 208).

Как слияние, так и присоединение отличаются рядом сходных характеристик. Как отмечает А. Ф. Будаева, «при использовании данных форм реорганизации прекращаются одно или несколько обществ; общество-преемник, созданное либо уже существующее в результате реорганизации, приобретает все их права и обязанности» [4, с. 96]. Вместе с тем, несмотря на общую схожесть слияния и присоединения, они различаются именно фактом создания (или не создания) нового общества. При слиянии общества, их проводящие, своё существование прекращают, формируя новое общество; присоединение подразумевает прекращение только присоединяющегося общества к уже существующему.

Как следует из п. 1 ст. 19 ФЗ № 208 выделением общества предполагается создание нового с передачей ему (им) части прав и обязанностей реорганизуемого общества без прекращения реорганизуемого

объекта. Основные характерные черты выделения сводятся к итогу проведения данной формы реорганизации – созданию одного/нескольких новых обществ, которым передаётся не весь объём прав и обязанностей предшественников, а только их определённая часть; при этом первоначальное реорганизуемое общество, из которого осуществлялось выделение, продолжает существовать

Из п. 1 ст. 18 ФЗ № 208 следует, что разделением общества подразумевается его прекращение с передачей вновь созданным обществам его прав и обязанностей [4, с. 98].

Внешнее сходство между выделением и слиянием не означает, что они идентичны. Различия заключаются главным образом в количестве новых компаний, создаваемых в ходе реорганизации, которое в случае выделения составляет одну компанию, а в случае разделения - не менее двух. Различия также проявляются в объёме прав и обязанностей, передаваемых от компании-предшественника: при выделении передаётся лишь их определённая часть, при разделении – весь комплекс. Кроме того, процесс выделения общества сохраняет существование первоначальной организации, а разделение – полностью прекращает её.

Особняком среди общих форм реорганизации выступает преобразование, которым считается всего лишь изменение его организационно-правовой формы (п. 1 ст. 20 ФЗ № 208). В ст. 58 ГК РФ устанавливается, что при преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией.

Новая действующая редакция ст. 57 ГК РФ, как уже отмечалось, впервые в отечественном законодательстве на уровне Кодекса закрепила возможность сочетания указанных выше форм реорганизации, которая в правовой доктрине

и получила название комбинированной реорганизации. Основной особенностью данной новеллы можно считать то, что реорганизации по новым правилам могут подлежать одновременно два/несколько юридических лиц, даже если их организационно-правовая форма отличается.

С другой стороны, специалисты, практикующие по корпоративному праву считают, что «фактически это касается только случаев слияния и присоединения, поскольку при реорганизации в форме выделения, разделения и преобразования в процессе участвует только одно юридическое лицо» [5, с.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить несколько вариантов проведения комбинированной реорганизации [64].

Между тем, по мнению некоторых правоведов, на практике потенциально востребованными будут пять следующих сочетаний форм комбинированной реорганизации.

Во-первых, выделение, осуществляемое одновременно с присоединением юридического лица, создаваемого в результате выделения, к другому юридическому лицу. Описывая данную схему, А. А. Глушецкий полагает, что такой механизм «особенно актуален при передаче активов и обязательств одного хозяйствующего субъекта другому в рамках холдинга» [8, с. 142].

Во-вторых, выделение, осуществляемое одновременно со слиянием юридического лица, создаваемого в результате выделения, с другим юридическим лицом (лицами). Названная форма комбинированной реорганизации образуется по следующей схеме: из организации А выделяется промежуточное лицо, которое в это же время сливается с другой, уже существующей организацией Б. Итогом становится создание новой организации В, которая будет являться правопреемником. «При комплексной реорганизации в форме выделения с одновременным слиянием, в которой одновременно участвует несколько юридических лиц, может иметь место

частичное правопреемство в отношении прав и обязанностей (активов и обязательств) одних лиц и полное в отношении других» [8, с. 141; 153].

Третьей комбинацией комбинированной реорганизации выступает разделение, осуществляемое одновременно с присоединением создаваемого в результате юридического лица к другому юридическому лицу» [8, с. 141].

Четвёртая модель подразумевает «разделение, осуществляемое одновременно со слиянием создаваемого в результате юридического лица с другим юридическим лицом (лицами)» [8, с. 141]. Указанная форма действует по схеме: организация А разделяется на два или более транзитных лица; одновременно последние реорганизуются в форме слияния с действующими организациями Б и В (и более); происходит создание новых организаций Г и Д [8, с. 141].

Пятая форма комбинированной реорганизации включает юридическое лица, к которому осуществляется присоединение» [5, с. 53-54]. Указанная схема уже является совершенно новой разновидностью реорганизации. Как полагают М. Бунякин и Д. Федорчук, «она может быть востребована, когда в холдинге существует крупное ООО (так называемый базовый актив) и несколько более мелких компаний, в том числе АО. Если участники принимают решение о консолидации активов на базе одной компании, например, с целью дальнейшего вывода на биржу акций объединённой компании, то логичнее присоединить мелкие компании к ООО (компания, обладающей наибольшим количеством активов, объектов недвижимости, основными лицензиями, в которой работает большая часть персонала, и т. п.). Если же цель объединения заключается именно в выводе акций на биржу (что предполагает последующее преобразование ООО, к которому осуществлялось присоединение, в АО), то может быть использован вариант присоединения одновременно с преобразованием юридического лица, к которому производится присоединение. К этому виду реорганизации можно обратиться и в том случае, если в результате присоединения к ООО число его

участников должно превысить 50 – максимально допустимое по закону количество» [5, с. 54].

Как следует из практики, наиболее распространённым вариантом комбинированной реорганизации является выделение, осуществляемое одновременно с присоединением юридического лица, создаваемого в результате выделения, к другому юридическому лицу (в этом случае удастся сохранить юридические и организационные возможности существующих юридических лиц без создания новых и неизбежных действий по «запуску» их работы) [5, с. 54]. Не будем забывать, и о том, что в ряде случаев в законодательстве могут устанавливаться различного рода ограничения реорганизации. Так, хозяйственные товарищества и общества не могут быть реорганизованы в некоммерческие организации, а также в унитарные коммерческие организации (п. 3 ст. 68 ГК РФ). Производственный кооператив по решению его членов, принятому единогласно, может преобразоваться только в хозяйственное товарищество или общество (ст. 106.6 ГК РФ). Государственное или муниципальное учреждение может быть преобразовано в некоммерческую организацию иных организационно-правовых форм в случаях, предусмотренных законом (п. 7 ст. 123.22 ГК РФ). Религиозная организация не может быть преобразована в юридическое лицо другой организационно-правовой формы (п. 3 ст. 123.26 ГК РФ).

По действующему законодательству наличествует несколько схем комбинированной реорганизации с частичным и полным правопреемством нескольких коммерческих организаций, которые реорганизуются в едином процессе. Нельзя не отметить и тот факт, что в настоящее время в практике правопреемственных отношений наблюдаются отдельные проблемы, которые обусловлены определёнными разночтениями между положениями ГК РФ и специальных правовых актов. Например, если имеет место универсальное (полное) правопреемство, то все активы и обязанности правопреемника (к примеру, всё имущество по заключённым сделкам) переходят к одному преемнику или распределяются между несколькими преемниками.

Исключение составляют права и обязанности, переход которых в порядке универсального правопреемства запрещён законом.

К правопреемнику переходят: право собственности на недвижимость (п. 2 ст. 218 ГК РФ); доля в уставном капитале ООО, если такой переход не запрещён уставом общества (п. 6 ст. 93 ГК РФ, п. 8 ст. 21 ФЗ № 14); долги предшественника (при этом согласно разъяснениям Президиума ВАС РФ согласие кредитора на перевод долга при универсальном правопреемстве не требуется [73]); обязанность предшественника по уплате судебной неустойки (п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 [40]); обязанность по уплате налогов (сборов, страховых взносов, пеней, штрафов) предшественника. Отметим, что данное правило применимо ко всем налогам и сборам для организаций и при реорганизации во всех формах, кроме выделения (п. 1, 8 ст. 50 Налогового кодекса Российской Федерации (части первой) [23] (далее – НК РФ). Из положений ст. 57, 58 ГК РФ, п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [41] (далее – постановление № 25) следует, что при присоединении юридического лица к другому юридическому лицу к последнему переходят все права и обязанности присоединяемого юридического лица в порядке универсального правопреемства вне зависимости от составления передаточного акта; факт правопреемства может подтверждаться документом, выданным органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц, в котором содержатся сведения из ЕГРЮЛ о реорганизации общества, к которому осуществлено присоединение, в отношении прав и обязанностей юридических лиц, прекративших деятельность в результате присоединения, и документами юридических лиц, прекративших деятельность в результате присоединения, определяющими соответствующие права и обязанности, в отношении которых наступило правопреемство.

Таким образом, до принятия действующего ГК РФ и Федерального закона «Об акционерных обществах» в отечественном законодательстве

института комбинированной реорганизации коммерческих организаций не существовало. В дореволюционных документах и нормативных правовых актах советского периода упоминается возможность проведения отдельных форм реорганизации лишь для определённых хозяйствующих субъектов. С отношении акционерных обществ. С 2014 г. действие института комбинированной реорганизации получило своё распространение на все юридические лица, преимущественно коммерческие [85],[86].

Также законодательно не закреплены и виды комбинированной реорганизации, хотя в правовой теории предпринималась попытка провести их дифференциацию на смешанную, совмещённую и комплексную, объединённую единым термином «комбинированная реорганизация». Между тем, как представляется, для упрощения правоприменения в данном вопросе следует ограничиться делением видов реорганизаций на общую (использование какой-либо одной формы, предусмотренной законом) и комбинированную (единовременное применение нескольких форм реорганизации в едином процессе реорганизации).

Глава 2 Порядок проведения комбинированной реорганизации

2.1 Особенности принятия решения о комбинированной реорганизации

При принятии решения о комбинированной реорганизации следует учитывать, что согласно положениям ст. 8 ГК РФ её правовым последствием, как действий, направленных на учреждение новой коммерческой организации и одновременно проведение сделки по передаче активов и обязательств новой организации, выступает появление у последней как своих собственных прав и обязанностей, так и прав и обязанностей, перешедших от реорганизуемой организации, включая обязанностей перед участниками этих лиц и их кредиторами. Судебная практика подтверждает действенность данной нормы см., например, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.04.2017 № Ф07-3011/2017 [69]). Таким образом, можно сказать, что одним из ключевых этапов любой реорганизационной процедуры, включая сложные реорганизации, является принятие соответствующего решения о проведении ее реорганизации.

В п. 1 ст. 19.1 ФЗ № 208 говорится о том, что комбинированная реорганизация в форме разделения или выделения общества, осуществляемых одновременно со слиянием или с присоединением, проводится в порядке, предусмотренном положениями ст. 15-19 ФЗ №208, если иное не установлено названной статьёй. То есть, если происходит смешение (комбинирования) указанных законодателем форм, следует учитывать требования, которые предусматриваются положениями законодательства к каждой из них [19, с. 44].

Как вытекает из п. 1 ст. 57 ГК РФ, по аналогии с обычной реорганизацией комбинированная реорганизация коммерческих лиц может быть реализована исключительно по решению его учредителей (участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то соответствующими учредительными документами. То есть в соответствии с п. 2 ст. 19.1 ФЗ № 208

решение о комбинированной реорганизации АО должно быть принято по предложению Совета директоров общим собранием акционеров. Особенностью данного решения является его двойственный характер в силу ст. 16 или 17 и ст. 19 ФЗ № 208: общее собрание определяет форму реорганизации действующего АО (выделение/разделение), а также принимает решение о реорганизации вновь созданного АО в форме его присоединения к другому лицу (п. 5 ст. 19.1 ФЗ № 208).

Как представляется, логика действий собственников в проведении комбинированной реорганизации, а не отдельных её форм заключается в осуществлении реструктуризации юридического лица, оптимизации управления и производственной деятельности наиболее быстрым образом, минуя дополнительные расходы и бюрократические препятствия. В этой связи важным является составление максимально полного решения о реорганизации, которое выступает «главным элементом сложного юридико-фактического состава реорганизации» [26, с. 132].

Следует отметить, что действующий ГК РФ не определяет правовую природу решения собраний. В п. 2 ст. 181.1 ГК РФ говорится только о том, что решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право в нём участвовать (участников юридического лица, сособственников, кредиторов при банкротстве и других участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

В тоже время в судебной практике имеется указание Верховного Суда на то, что «по смыслу п. 1 ст. 2, п. 6 ст. 50 и п. 2 ст. 181.1 ГК РФ под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества, т. е. определённой группы лиц, наделённой полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком

собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений» [41, п. 103].

Следует отметить, что отечественная правовая доктрина рассматривает решения общего собрания именно как локального акта (В. С. Ем, Е. А. Суханов

В своём диссертационном исследовании Т. А. Нуждин отмечает, что для решения о проведении комбинированной реорганизации характерны следующие признаки:

- это акт правового характера;
- это акт обязывающего характера для соответствующей группы лиц;
- это акт публичного характера (в силу положений действующего законодательства регистрирующий орган, кредиторы и ряд третьих лиц информируются о его принятии);
- это акт распорядительного характера (назначение решения заключается в том, что его принятием участники организации осуществляют своё право на проведение процедуры реорганизации, а детали её проведения включаются в прилагаемый к решению передаточный акт);
- это акт защитного характера (его принятие обуславливает применение специального порядка восстановления нарушенных прав участников организации и её кредиторов) [26, с. 133-134].

Это означает, что волеизъявление участников организации о проведении реорганизации в одной форме приведёт к автоматическому осуществлению другой формы реорганизации. Как видится, в таком случае будет правильным непосредственно в тексте решения о комбинированной реорганизации на это указать на том основании, что рассматриваемым документом, по сути, принимается решение о проведении двух (и более) реорганизаций. Если в это же время будет иметь место присоединение/слияние нового выделившегося либо одного из разделившихся лица, то решением общего собрания, по сути, утверждается соответствующий договор о присоединении/слиянии, а также

решения о внесении изменений и дополнений в устав такого общества, если это предусмотрено договором о присоединении/слиянии. «Данные фактические обстоятельства устанавливают волю указанных юридических лиц на присоединение к ней или слияние с промежуточной (транзитной) компанией-фикцией, которая формируется в результате первоначального разделения (выделения)» [26, с. 134-135].

Решение о совмещенной реорганизации коммерческих организаций по схеме «слияние плюс преобразование» является особым случаем в рассматриваемых аспектах. (лицо присоединяется к существующей организации, которая реорганизуется посредством смены организационно-правовой формы). В такой форме процедура комбинированной реорганизации состоит в том, что решения собраний будет требовать принятия единого документа волеобразующего характера. Это обусловлено тем, что при указанных условиях общим собранием рассматривается не только возможность утверждения договора о присоединении, но и решается вопрос о присоединении лица к другому, которое после преобразуется. В этой связи представляется, что решение в отношении второго лица должно включать в своё содержание условие о преобразовании и указание на присоединение к нему первого лица. При таких обстоятельствах «воля обеих организаций является непосредственной и своей целью имеет проведение комбинированной реорганизации, а не какого-либо из её этапов» [26, с. 135-

Следует также обратить внимание на два важных аспекта, характеризующих реорганизационные решения в вышеперечисленных формах реорганизации. Так, вследствие того, что в её состав входит преобразование, представляется невозможным применение к данным правоотношениям положения ст. 60 ГК РФ о защите прав кредиторов. Действующее законодательство предусматривает такую защиту посредством присоединяемого лица. Также необходимо принимать во внимание, что на

практике целесообразней для проведения рассматриваемой схемы комбинированной реорганизации принимать единое решение о её проведении.

Так, согласно п. 3 ст. 53 ФЗ № 14 при необходимости реорганизовать лицо в форме присоединения, на реорганизуемые организации законом возложена обязанность по проведению совместного общего собрания. В отношении комбинированной реорганизации при таких обстоятельствах только решение вопроса о присоединении без преобразования второго лица необоснованно увеличит временной промежуток реорганизационных процедур, что приведёт к повышению затрат и издержек.

Таким образом, как представляется, правило, закреплённое в п. 3 ст. 53 ФЗ № 14, следует трактовать расширительно, а в отношении реорганизации АО применять как аналогию закона. Отсюда видится необходимым предусмотреть в действующем законодательстве норму, которая указывала бы, что в случае реорганизации в форме присоединения, осуществляемой параллельно с преобразованием, соответствующее решение должно быть принято на едином общем совместном собрании без проведения отдельных собраний в рамках участвующих в реорганизации организаций.

Ещё одной особенностью решения о комбинированной реорганизации выступает его содержание в отношении акций и долей (паёв) организаций, участвующих (создаваемых) в процессе реорганизации. Если организация в итоге ликвидируется, будучи эмитентом привилегированных акций, а её правопреемником становится организация, имеющая отличную организационно-правовую форму, то в содержание решения о реорганизации включается вопрос о приобретении/обмене акций на доли (паи) новой организации, имеющей иную организационно-правовую форму [26, с. 139-

2.2 Проблемы формирования органов управления

Следующим проблемным фактором комбинированной реорганизации коммерческих организаций следует считать вопрос формирования органов управления лиц, которые создаются в результате такой реорганизации.

Анализ судебной практики по данному вопросу, а также работ современных исследователей показывает, что основные проблемы в данной области связаны прежде всего с несовпадением организационно-правовых форм и, соответственно, органов управления реорганизуемых и вновь созданных организаций. Такое возможно в трёх ситуациях:

- из лица одной организационно-правовой формы при разделении создаются два лица с другой организационно-правовой формой (АО разделяется на производственный кооператив и ООО);
- два лица с отличными организационно-правовыми формами в результате слияния создают третье лицо, имеющее третью организационно-правовую форму (ООО сливается с полным товариществом, создавая АО);
- возникают сложности в связи с несовпадением органов управления и их структуры в различных организационно-правовых формах согласно действующему законодательству [26, с. 143].

Некоторые правоведы, например, Е. Н. Боханова, полагают, что «органы управления создаваемого общества должны быть избраны в точном соответствии с положениями ст. 19 ФЗ № 208, т. е. решение о выделении должно содержать информацию о генеральном директоре, ревизионной комиссии, аудиторы, коллегиальном исполнительном органе (если такой орган предусматривается уставом создаваемого общества) транзитной фикции. Выборы указанных лиц осуществляются в соответствии с п. 8 ст. 53 ФЗ № 208 на заседании совета директоров общества, из которого проводится выделение. Выборы совета директоров создаваемого общества проводятся на общем собрании акционеров общества, из которого проводится выделение, кумулятивным голосованием» [3].

Рассматривая данный аспект комбинированной реорганизации коммерческих организаций, следует обратить внимание на то, что органы управления транзитного (промежуточного) лица, которое «создаётся» в результате проведения первой формы реорганизации, в действительности не учреждаются вообще, поскольку само промежуточное лицо является организацией-фикцией, которая прекращается, даже не начиная свою деятельность, т. к. реорганизуется вторым этапом комбинированной реорганизации.

Таким образом, наибольшее значение в рассматриваемом вопросе приобретает проблема формирования органов управления итогового лица после проведения всех форм реорганизации, предусмотренных решением общего собрания. Вместе с тем, представляется, что указанный вопрос прежде всего должен оговариваться ещё на этапе самого принятия такого решения.

Однако следует учитывать, что приведённая выше схема возможна лишь в том случае, если имеет место реорганизация, не предусматривающая в качестве одного из этапов преобразование. В такой ситуации, как отмечает Т. А. Нуждин, «для проведения второй цепочки – преобразования – необходимо, чтобы созданная в результате реорганизации организация имела соответствующие органы управления, которые, по сути, не функционируя в рамках одной организационно-правовой формы, преобразуются в органы управления другой организационно-правовой формы» [26, с. 146].

Наибольшую сложность, однако, представляют собой случаи, когда имеет место двойное преобразование органов управления: органы управления лица, имеющего одну организационно-правовую форму, трансформируются в органы управления уже двух лиц, оба из которых имеют отличные от первоначальной и друг от друга организационно-правовые формы. Так, необходима следующая трансформация: «общее собрание акционеров становится общим собранием членов кооператива, генеральный директор – председателем производственного кооператива, ревизионная комиссия АО –

ревизионной комиссией кооператива, Совет директоров (наблюдательный Совет) АО – наблюдательным советом кооператива» [26, с. 146].

В указанной ситуации каких-либо проблем в отношении создания органов управления новой организации не имеется ввиду схожести их структуры и функционала. Однако если из ООО будет выделено новое ООО, которое, в свою очередь, будет преобразовано, к примеру, в полное товарищество, сложности возникнут прежде всего постольку, поскольку полное товарищество в силу ст. 71 ГК РФ вообще не имеет органов управления, а все дела составляющие его товарищи ведут лично по общему согласию всех участников. Как представляется, в таких усложнённых ситуациях необходимо предусмотреть достаточно гибкий механизм, который будет учитывать саму суть реорганизации: прекращение одной организации и создание новой [26, с. 147].

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что полное товарищество и ООО имеют совершенно различные органы управления (у товарищества они вообще не предусматриваются), «необходимо признать, что трансформации указанных органов быть не может, однако будет наличествовать преемство: во-первых, в корпоративных правах между участниками ООО и товарищами; во-вторых, в имущественных правах при обмене долей в уставном капитале ООО на доли в складочном капитале полного товарищества».

2.3 Ответственность членов органов управления и иных лиц при проведении комбинированной организации. Гарантии прав участников

Современная правовая доктрина указывает на рисковый характер комбинированной реорганизации коммерческих организаций. Прежде всего такая позиция обусловлена достаточно высокой вероятностью нарушения прав кредиторов. Это, с точки зрения некоторых правоведов, заставляет их отрицать

целесообразность проведения комбинированной реорганизации. Как указывает Ж. В. Данилова, «проведение одновременно нескольких форм реорганизации, хотя, с одной стороны, и сократило длительный процесс реорганизации, то с другой породило многочисленные проблемные ситуации»

Так, как она также отмечает, особенности комбинированной реорганизации коммерческих предприятий антимонопольным законодательством во внимание не принимается, в том числе Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [31]. Проблема возникает, к примеру, в том, что не всегда по итогам проведённой реорганизации бывает понятно, какие именно лица должны предоставить обеспечение кредиторам, что несомненно приведёт к нарушению прав последних. С её точки зрения, данные аргументы свидетельствуют о том, что последовательное проведение реорганизации наиболее приемлемо, поскольку даже при разграничении форм проведения реорганизации имеются проблемы с позиции максимального обеспечения прав кредиторов, а при комбинированной реорганизации имеет место упрощение процедуры для изменения имущественного состава общества, что в свою очередь влечёт невозможность надлежащим образом защитить права кредиторов» [17, с. 1587-

Между тем, Т. А. Нуждин, не соглашаясь с приведённой позицией, отмечает, что учёные, которые пытаются представить комбинированную реорганизацию как не защищающий права кредиторов правовой институт, в то же время не могут указать конкретные примеры отсутствия правовой защиты кредиторов, таким образом нивелируя значение рассматриваемого института только вследствие того, что он «таит в себе некоторые риски» [26, с. 165].

Вместе с тем действующая редакция ГК РФ предусматривает гарантии прав кредиторов в отношении реорганизуемых должников, что закреплено в ст. 60 ГК РФ. Данные гарантии, как основные гарантии компенсационного характера, сводятся к тому, что если кредитору, потребовавшему в

соответствии с правилами ст. 60 ГК РФ досрочного исполнения обязательства или прекращения обязательства и возмещения убытков, такое исполнение не предоставлено, убытки не возмещены и не предложено достаточное обеспечение исполнения обязательства, солидарную ответственность перед кредитором наряду с юридическими лицами, созданными в результате реорганизации, будут нести лица, которые имеют фактическую возможность определять действия реорганизованных организаций в соответствии с п. 3 ст. 53 ГК РФ. Обязательным условием привлечения указанной категории лиц к солидарной ответственности является факт совершения ими действий последствий. В случае реорганизации в форме выделения солидарную ответственность перед кредитором наряду с перечисленными лицами будет нести также реорганизованная организация.

По мнению Т. А. Нуждина к таким лицам относятся пять категорий:

- непосредственно созданные в процессе комбинированной реорганизации новые организации;
- лица, соответствующие положениям п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, которые могут фактически влиять и определять действия реорганизованных организаций;
- члены коллегиальных органов, которые формируются в итоге проведения комбинированной реорганизации;
- лицо, которое в силу п. 3 ст. 53 ГК РФ уполномочено представлять реорганизованную организацию от её имени (директор, генеральный директор, президент, председатель правления);
- непосредственно первоначальная реорганизованная организация, которая сохранила свою деятельность после реорганизации в форме выделения (такая организация несёт солидарную ответственность перед кредиторами [26, с. 169]).

Указанное подтверждается материалами судебной практики, в частности, определением Верховного Суда РФ от 20 февраля 2017 г. № 305-ЭС16-20606 [54].

А. А. Асташкина и С. Ю. Стародумова отмечают, что в новой редакции ст. 60 ГК РФ уравнивается баланс интересов общества и его кредиторов и подробнейшим образом регулируются вопросы предоставления гарантий кредиторам реорганизуемого юридического лица: баланс достигается обязанностью реорганизуемого лица удовлетворить требования кредиторов до завершения реорганизации [2, с. 6]. Более того, нельзя не учитывать, что действующий ГК РФ в п. 5 ст. 60 прямо предусматривает солидарную ответственность новой организации, учреждённой в результате комбинированной реорганизации, по долгам своего правопреемника при условии, что определить правопреемника по долговому обязательству невозможно; кроме того такая ответственность наступает и в том случае, если между реорганизованными лицами было проведено недобросовестное распределение активов, приведшее к существенным нарушениям интересов кредиторов.

В качестве примера приведем ситуацию. В абз. 2 п. 22 постановления Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [35] (далее – постановление № 19) указано, что к солидарной ответственности привлекаются созданные в результате реорганизации общества. В том числе и то общество, из которого выделилось новое, если из разделительного баланса видно, что при его утверждении допущено нарушение принципа справедливого распределения активов и обязательств реорганизуемого общества между его правопреемниками, приводящее к явному ущемлению интересов кредиторов этого общества. Несмотря на то, что в вышеизложенном постановлении говорится об акционерных обществах, изложенная в нём правовая позиция является принципиальной и не связана с организационно-правовой формой юридического лица, что отражено также в судебной

практике, к примеру, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.03.2017 № Ф07-1085/2017 [68].

Нельзя не отметить еще одну особенность, касающуюся ответственности новых организаций, созданных в результате комплексной реорганизации в любой форме. В целом, по нашему мнению, для усиления защиты прав кредиторов при проведении комбинированной реорганизации видится целесообразным более частое использование института солидарной ответственности лиц, имеющих возможность определять действия реорганизованных юридических лиц. Такая мера, на наш взгляд, будет отвечать сложившейся ситуации, в которой действующий механизм гарантий прав кредиторов не достигает своего предполагаемого эффекта без применения всех возможностей ст. 60 ГК РФ. В качестве примера можно привести положения ст. 20 ФЗ № 208, которой подразумевается преобразование АО в некоммерческое партнёрство в соответствии с единогласным решением акционеров. Названная норма противоречит положениям п. 3 ст. 68 ГК РФ. Диспозиция абз. 3 п. 1 ст. 57 ГК РФ позволяет проведение в отношении АО комбинированной реорганизации, повлёкшей выделение из АО некоммерческого партнёрства, параллельно преобразованного в фонд согласно положениям п. 1 ст. 17 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [34].

В связи со сказанным видится необходимым установить единый запрет на преобразование коммерческих организаций в некоммерческие и наоборот. Такие меры позволят пресечь различные злоупотребления при проведении комбинированной реорганизации. Вдобавок механизм привлечения к солидарной ответственности в условиях комбинированной реорганизации нуждается в дополнительной детальной законодательной регламентации.

На практике в отношении комбинированной реорганизации также имеются отдельные коллизии между гражданским и налоговым законодательством. Так, обычная реорганизация подразумевает обязанность реорганизуемой организации уведомить о начале данной процедуры

соответствующий налоговый орган согласно положениям ст. 60 ГК РФ, ст. 13.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [30] и Приказа ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» предусмотрена. Это в свою очередь приводит к тому, что реорганизуемая организация уведомляет налоговый орган сначала о проведении одной формы реорганизации, а после – о проведении ей второй формы, чем увеличивается срок проведения и усугубляется бюрократическая составляющая процесса комбинированной организации. Существующая судебная практика исходит из позиции, что «подача двух уведомлений о реорганизации не является правомерной, поскольку по факту подачи первого уведомления о преобразовании налоговый орган вносит в ЕГРЮЛ сведения о том, что муниципальное унитарное предприятие находится в процессе реорганизации в форме преобразования, а юридическое лицо, находящееся в процессе реорганизации, не может начать процесс реорганизации в иной форме» [70].

Таким образом, ввиду указанного видится целесообразным закрепление на законодательном уровне необходимости подачи единого уведомления о проведении какой-либо реорганизации вне зависимости от того, является она обычной или комбинированной в обязательных формах документов, утверждённых актами Федеральной налоговой службы РФ.

Немаловажной гарантией прав кредиторов следует считать и обязанность реорганизуемой коммерческой организации после внесения в ЕГРЮЛ записи о начале процедуры реорганизации дважды с периодичностью один раз в месяц опубликовывать в средствах массовой информации, в которых опубликовываются данные о государственной регистрации юридических лиц, уведомления о своей реорганизации.

Следует принять к вниманию, что в процессе комбинированной реорганизации (например, при реорганизации АО в ООО и наоборот) имеет место такое изменение организации, в результате которого происходит замена акций АО на доли (паи) в ООО или наоборот. В таком случае произведённые изменения могут прямо повлиять на имущественное положение участников реорганизации, поскольку вместе со сменой юридического лица меняются и их доли. Особенно сильно, по мнению Т. А. Нуждина, «это проявляется в случае смешанных реорганизаций в форме разделения/выделения, поскольку принадлежащая в уставном капитале доля такого участника может расплыться в капиталах организаций различных организационно-правовых форм» [26, с. 173]. Так предполагается, что ст.60.1 ГК РФ и нормы специальных законов следует дополнить положением, где при реорганизации в форме разделения или выделения, при которой образуются юридические лица иных организационно-правовых форм, каждый участник, принимавший участие в голосовании, но выступал против такой реорганизации, не принимал участия в голосовании либо голосовавший за принятие решения или воздержавшийся от голосования в случаях, если его волеизъявление при голосовании было нарушено, должен получить доли (паи, акции) каждого создаваемого путём реорганизации в форме разделения или выделения юридического лица иной организационно-правовой формы, предоставляющие те же права, что и принадлежащие ему доли (паи, акции) реорганизуемого общества, пропорционально их числу. Указанное положение соответствует специальным способам защиты прав акционеров (участников), включая восстановление контроля над обществом; применение таких механизмов защиты позволит обеспечить превентивную защиту участников (акционеров).

Таким образом, решение о проведении комбинированной реорганизации представляет собой локальный акт, который опосредует сложный юридико-фактический состав комбинированных реорганизаций, выраженный либо в едином документе, либо в двух и более документах (в зависимости от формы реорганизации); при этом воля всех голосовавших за реорганизацию лиц

направлена именно на проведение комбинированной реорганизации, а не на составляющие отдельные её формы. Основные особенности формирования органов управления вновь создаваемой или создаваемых путём реорганизации организаций сводятся к тому, что в отдельных случаях данный вопрос не вызывает каких-либо сложностей, поскольку органы управления некоторых юридических лиц имеют много тождественных черт и, хотя называются по-разному, выполняют одинаковые функции, что справедливо для акционерных обществ, производственных кооперативов и обществ с ограниченной ответственностью; в то же время органы управления создаваемых «транзитных» организаций-фикций вообще не функционируют, и вопрос об их формировании стоять не должен; в случаях же создания в результате комбинированной реорганизации нового юридического лица, имеющего иную организационно-правовую форму с несовпадающими органами управления, формирование последних должно осуществляться в соответствии с положениями специального законодательства. Для снижения рисков кредиторов в случае проведения комбинированной реорганизации действующим законодательством предусматривается ряд гарантий преимущественно компенсационного характера; вместе с тем, данные нормы не лишены некоторых проблем и несостыковок.

Глава 3 Правовые проблемы оспаривания комбинированной реорганизации

3.1 Оспаривание комбинированной реорганизации по причинам недействительности и признания несостоявшейся

Как верно отмечено Т. А. Нуждиным, любая реорганизация несёт риск каких-либо нарушений при её проведении. Он полагает, что основным вопросом среди дискуссионных, связанных с проведением комбинированных реорганизаций, следует выделить проблему их оспаривания, с которой можно попытаться разобраться через призму оспаривания реорганизации в целом.

А. А. Кузнецов в своей статье отмечает, что исходя из норм о защите прав участников – центральные для регулирования реорганизации – являются менее проработанными в отечественном праве и оставляют впечатление эклектичности, где нет продуманности в том, почему предоставляется защита и как отдельные способы защиты соотносятся между собой [22].

Отечественная правовая практика применения института реорганизации говорит о том, что она «зачастую используется хозяйствующими субъектами в недобросовестных целях, носящих противоправный характер» [4, с. 100].

Исходя из этого, законодательные новеллы, касающиеся процедуры признания реорганизации недействительной и несостоявшейся, которыми теперь предусматриваются два специальных способа защиты гражданских прав акционеров (участников) при порочности реорганизации: признание решения о реорганизации недействительным (ст. 60.1 ГК РФ) и признание реорганизации несостоявшейся (ст. 60.2 ГК РФ) имеют на сегодняшний день практическое значение. При этом указанные правовые нормы подразумевают самостоятельные основания для признания реорганизации недействительной или несостоявшейся с соответствующими правовыми последствиями.

Вместе с тем, указанные способы защиты не исключают возможность защиты прав кредиторов и посредством оспаривания подозрительных сделок

в соответствии с главой III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [37] (далее – ФЗ № 127).

По смыслу ст. 60.1 ГК РФ требование о признании решения о реорганизации недействительным можно предъявить в суд в течение трёх месяцев после внесения в ЕГРЮЛ записи о начале процедуры реорганизации, что указывает не увеличение срока процедуры.

Как верно указывал А. В. Габов «в отсутствие законодательно закреплённых оснований, как для ничтожности, так и для оспоримости следует исходить из того, что решение о реорганизации, принятое органами управления юридического лица, может квалифицироваться как ничтожное по тем основаниям, которые установлены специальным законом, регулирующим правовое положение такого юридического лица, а также по основаниям, установленным ст. 181.5 ГК РФ в той части, в которой её положения и дополняют перечень оснований ничтожности, установленный специальными законами, и не противоречат ему» [7].

Как следует из п. 1 ст. 181.2 ГК РФ решение собрания считается принятым, если за него проголосовало большинство участников собрания, и при этом в собрании участвовало не менее 50 % от общего числа участников соответствующего гражданско-правового сообщества.

В силу п. 1 ст. 181.4 ГК РФ решение собрания может быть признано судом недействительным при нарушении требований закона, в том числе в случае, если: во-первых, допущено существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания; во-вторых, у лица, выступавшего от имени участника собрания, отсутствовали полномочия; в-третьих, допущено нарушение равенства прав участников собрания при его проведении; в-четвёртых, допущено существенное нарушение правил составления протокола, в том числе правила о его письменной форме (п. 3 ст. 181.2 ГК РФ).

Из п. 109 постановления № 25 следует, что решение собрания не может быть признано недействительным в силу его оспоримости при наличии

совокупности следующих обстоятельств: голосование лица, права которого затрагиваются этим решением, не могло повлиять на его принятие и решение не может повлечь существенные неблагоприятные последствия для этого лица (п. 4 ст. 181.4 ГК РФ), что исключает признание недействительным решения о проведении реорганизации со стороны миноритарных участников (акционеров).

Перечень случаев, при которых решение собрания ничтожно, приведен в ст. 181.5 ГК РФ: во-первых, оно принято по вопросу, не включённому в повестку дня, за исключением случая, если в заседании или заочном голосовании приняли участие все участники соответствующего гражданско-правового сообщества; во-вторых, оно принято при отсутствии необходимого кворума; в-третьих, оно принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания; в-четвёртых, оно противоречит основам правопорядка или нравственности.

Так по п. 3 ст. 181.4 ГК РФ решение собрания вправе оспорить в суде участник соответствующего гражданско-правового сообщества, не принимавший участия в заседании или заочном голосовании либо голосовавший против принятия оспариваемого решения. Участник собрания, голосовавший за принятие решения или воздержавшийся от голосования, вправе оспорить в суде решение собрания в случаях, если его волеизъявление при голосовании было нарушено.

Признание судом недействительным решения о реорганизации юридического лица не влечёт ликвидации образовавшегося в результате реорганизации юридического лица, а также не является основанием для признания недействительными сделок, совершённых таким юридическим лицом (п. 2 ст. 60.1 ГК РФ).

По мнению Т. А. Нуждина, «решение о признании реорганизации недействительной должно быть признано таковым только после вступления в законную силу решения суда. В противном случае диспозиция п. 2 ст. 60.1 ГК РФ является принципиально неверной» [24].

Как следует из п. 3 ст. 61.1 ГК РФ в случае признания решения о реорганизации юридического лица недействительным до окончания реорганизации, если осуществлена государственная регистрация части юридических лиц, подлежащих созданию в результате реорганизации, правопреемство наступает только в отношении таких зарегистрированных юридических лиц, в остальной части права и обязанности сохраняются за прежними юридическими лицами.

Лицо или лица, недобросовестно поспособствовавшие принятию недействительным решения о реорганизации, признанного судом, обязано солидарно возместить убытки участнику реорганизованного юридического лица, голосовавшему против принятия решения о реорганизации или не принимавшему участия в голосовании, а также кредиторам реорганизованного юридического лица. Солидарно с данными лицами, недобросовестно поспособствовавшими принятию решения о реорганизации, отвечают юридические лица, созданные в результате реорганизации на основании указанного решения (п. 4 ст. 60.1 ГК РФ).

Из ч. 5 ст. 60 ГК РФ следует, что если передаточный акт не позволяет определить правопреемника по обязательству юридического лица, а также если из передаточного акта или иных обстоятельств следует, что при реорганизации недобросовестно распределены активы и обязательства реорганизуемых юридических лиц, что привело к существенному нарушению интересов кредиторов, реорганизованное юридическое лицо и созданные в результате реорганизации юридические лица несут солидарную ответственность по такому обязательству.

Ввиду применения различных форм реорганизации интересным представляется вопрос о последствиях применения признания недействительным решения комбинированной реорганизации, кроме взыскания убытков.

Анализ положений ст. 61.1 ГК РФ показывает, что законодателем урегулировано оспаривание решения одной формы реорганизации, однако

ничего не говорится об оспаривании их сочетания, несмотря на то, что действующая редакция ГК РФ в ст. 57, а также ст. 19.1 ФЗ № 208 предусматривают особый совмещённый способ реорганизации.

Как представляется, комбинированная реорганизация отличается сложностью установления критериев оспоримости. Сама реорганизация при этом не оспаривается, оспариванию подлежит принятое общим собранием решение. Поскольку в данном акте представлена воля участников организации, имеющая двойственный характер (она подразумевает, что участники хотят провести реорганизацию сразу в двух и более формах), ситуация усложняется, и суд должен выявить пороки, относящиеся к волеизъявлениям по всем формам предполагаемой реорганизации. Представляется, что в случае обнаружения пороков в отношении одной из составляющих комбинированную реорганизацию форм и их отсутствие в отношении другой согласующаяся с требованиями законодательства форма реорганизации не должна быть основанием для применения последствий по ст. 60.1 ГК РФ.

В этом случае мы соглашаемся с Т. А. Нуждиным, который указывает, что «совмещённая реорганизация представляет собой единый и неделимый процесс и при выявлении пороков разрывать его по оспариванию отдельной формы неверно как с точки зрения закона, так и с позиции несения судебных расходов» [26].

Как отражал А. В. Габов: «отсутствие специального перечня означает, что для обеих указанных групп лиц (участники и иные лица) основаниями для обращения в суд с требованием о признании решения о реорганизации недействительным являются все те основания, по которым, согласно иным положениям ГК РФ и других федеральных законов, указанные лица (участник и иные лица) могут оспаривать решения органов управления» [7].

За каждым участником корпорации законодатель признает право обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом как

следует из ст. 65.2 ГК РФ. Вместе с тем А. В. Габов полагал, что «в данной статье не указаны конкретные основания, а даётся лишь отсылка к специальным законам, которые такие основания (случаи) могут содержать. Следовательно, при применении положений ст. 60.1 ГК РФ необходимо учитывать те основания для оспаривания, которые установлены специальными законами применительно к правам их участников на оспаривание решений органов управления» [7, с. 819-823].

Рассмотрим пример из правоприменительной практики.

Общество «Т.» обратилось в суд с заявлением о признании недействительными реорганизации юридического лица, договора, применении последствий недействительности сделки. Из материалов дела следовало, что 11 декабря 2015 г. состоялось внеочередное общее собрание участников ООО «П.», в соответствии с протоколом которого участниками ООО «П.» – Г. и Д. – единогласно было принято решение о реорганизации ООО «П.» в форме выделения из него ООО «С.». В соответствии с листом записи из ЕГРЮЛ в отношении общества П. от 17 декабря 2015 г. в ЕГРЮЛ была внесена запись о том, что юридическое лицо находится в процессе реорганизации в форме выделения и продолжит деятельность после завершения реорганизации.

5 сентября 2018 г. единственным участником ООО «П.» было принято решение о реорганизации общества в форме выделения, а соответствующие сведения были своевременно опубликованы в Вестнике государственной регистрации.

12 октября 2018 г. налоговым органом было принято решение о внесении в ЕГРЮЛ сведений о том, что ООО «П.» находится в процессе реорганизации в форме выделения, в ЕГРЮЛ внесена соответствующая запись; правопреемником указывалось ООО «С.».

Принимая во внимание открытость размещённых в органах печати и в сети Интернет на сайте ФНС России сведений о реорганизации общества, а также отсутствие у регистрирующего органа обязанности по

информированию заинтересованных лиц иным способом о предстоящем включении данных в ЕГРЮЛ, заявитель и иные заинтересованные лица вправе были самостоятельно отслеживать информацию об ООО «П.» и принимаемых регистрирующим органом решениях о государственной регистрации в отношении данного юридического лица, а также представлять возражения в соответствии с п. 4 ст. 51 ГК РФ.

Между тем, несмотря на своевременное опубликование указанных сведений, ООО «Т.», как лицо, которое полагает, что его права и законные интересы были затронуты реорганизацией ООО «П.» соответствующее заявление в установленный срок в регистрирующий орган не направило.

28 ноября 2019 ООО «Т.» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о включении требования в реестр требований кредиторов ООО «П.», основанием для предъявления требования которого послужило неисполнение условий мирового соглашения, утверждённого судом. Требование ООО «Т.» суд признал обоснованным и в заявленном размере включил в третью очередь реестра требований кредиторов должника. Вышестоящей инстанцией судебный акт о включении требования ООО «Т.» в реестр требований кредиторов ООО «П.» отменен, соответственно в удовлетворении заявленных требований отказано. Отказав в удовлетворении указанных требований также и кассационный суд, отметив, что ООО «Т.» пропустило установленный законом трёхлетний срок на предъявление исполнительного листа к исполнению. С истечением предусмотренного законом срока для предъявления исполнительного листа к исполнению у взыскателя прекращается право требовать принудительного исполнения судебного акта, на основании которого выдан исполнительный лист, следовательно, заявление кредитора, основанное на судебном акте, должно быть подано в течение срока давности исполнения судебного акта.

Таким образом, ООО «Т.» не является кредитором ООО «П.» и утратило право требовать принудительного исполнения судебного акта об утверждении мирового соглашения. Более того, ООО «Т.» не является участником

общества, к числу лиц, наделённых в соответствии с п. 1 ст. 60.1 ГК РФ правом оспаривания решения его единственного участника, не относится. Истцом также не приведено обоснования наличия у него права на заявление такого требования, учитывая утрату права требовать принудительного исполнения мирового соглашения. В удовлетворении иска ООО «Т.» судом было отказано в связи с тем, что истец не являлся участником реорганизуемых обществ, следовательно, право на оспаривание корпоративных решений и признание реорганизаций обществ в форме присоединения к ООО недействительной у него отсутствовало. Также истцом был пропущен срок исковой давности, что является самостоятельным основанием для отказа в иске.

Из постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 27 июня 2023 г. № Ф06-4166/2023 по делу № А65-21699/2022 следует, что истец, обращаясь с заявлением о признании недействительной реорганизации общества, недействительным передаточного акта, применении последствий недействительности сделок, ссылаясь на неисполнение вступившего в законную силу судебного решения, которым с общества в пользу истца взыскали долг по договорам займа. В удовлетворении требования суд отказал, поскольку истец не являлся участником реорганизованного общества, а также лицом, которому в силу прямого указания закона предоставлено право на обжалование корпоративных решений общества [67].

Из судебного акта Арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2017 г. № Ф05-6874/2017 в рамках дела № А40-150853/2016 следует, что общество Б. обращаясь в суд с требованием о признании решения о реорганизации общества недействительным, указало на то, что общество Б. является кредитором ответчика по обязательству, которое не погашено, а действия общества Д. по принятию решения о реорганизации общества в форме присоединения направлены на уклонение от погашения указанной задолженности. В удовлетворении требования суд отказал, поскольку должно быть подано либо участником общества, либо лицом, имеющим право на

обжалование корпоративного решения указанного общества, как следует из прямого указания закона [66].

Такие же выводы следуют, в частности, и из определения Верховного Суда РФ от 20 февраля 2017 г. № 305-ЭС16-20606 по делу № А40-236949/2015 [54].

Хотим отметить, что анализ сведений об участниках указанных споров (обществ), проведённый на основании открытых источников (сервиса проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей Rusprofile.ru, данных из ЕГРЮЛ ФНС России, Картотеки арбитражных дел, нами была выявлена последующая ликвидация данных обществ на основании решений арбитражного суда о завершении конкурсной процедуры либо нахождение данных организаций в процессе банкротства.

Как отмечалось, лица, недобросовестно способствовавшие принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации, обязаны солидарно возместить убытки участнику реорганизованного юридического лица, голосовавшему против принятия решения о реорганизации или не принимавшему участия в голосовании, а также кредиторам реорганизованного юридического лица (п. 4 ст. 60.1 ГК РФ).

По мнению Т. А. Нуждина, формулировка абз. 2 п. 4 ст. 60.1 ГК РФ, где указано, что, если решение о реорганизации юридического лица принималось коллегиальным органом, солидарная ответственность возлагается на членов этого органа, голосовавших за принятие соответствующего решения, не совсем корректна [26, с. 187].

А. В. Габов же полагал, что «не вполне ясно, о каких коллегиальных органах идёт речь, так как решение о реорганизации практически всегда принимается высшим органом управления организации, т. е. общим собранием акционеров, каждый член которого есть участник (акционер)» [14].

При этом следует отметить, к требованиям о взыскании убытков, причинённых юридическому лицу неразумными и недобросовестными

действиями директора, применимы общие правила взыскания убытков, предусмотренные ст. 15, 1064 ГК РФ.

В ст. 60 ГК РФ законодательно закреплена солидарная ответственность членов коллегиального органа, однако детали привлечения к такой ответственности в действующем законодательстве отсутствуют. Следует также отметить, что правоприменительная практика по п. 4 ст. 60.1 ГК РФ немногочисленна. Предполагаем, что это взаимосвязано с последующим нахождением обществ в процедуре банкротства.

Так, хотим обратить внимание на иск ФНС к ООО «И.» о признании недействительными решения о реорганизации в форме присоединения ООО «Т.» к ООО «И.», а также записей в ЕГРЮЛ. Из материалов спора следует, что общество Т. было зарегистрировано в качестве юридического лица 25 июня 2008 г. Согласно сведениям из ЕГРЮЛ единоличным исполнительным органом общества и его единственным участником являлся Т.А.В. Общество «И.» было зарегистрировано в качестве юридического лица 3 июля 2007 г. Единственным его участником считался С.В.В.

6 июня 2018 г. единственным участником ООО «Т.» было принято решение провести реорганизацию ООО «Т.» в форме присоединения к ООО «И.»; утверждён договор о присоединении и передаточный акт. Аналогично 6 июня 2018 г. единственным участником ООО «И.» было принято решение провести реорганизацию ООО «И.» в форме присоединения к нему ООО «Т.», утверждён договор о присоединении. 3 апреля 2019 г. в ЕГРЮЛ была внесена запись о прекращении деятельности ООО «Т.» вследствие реорганизации в форме присоединения к ООО «И.».

Из протокола совместного общего собрания участников ООО «И.» и ООО «Т.» от 1 марта 2019 г. следует, что собранием были приняты следующие решения: принять Т.А.В. в состав участников основного общества в связи с передачей доли в уставном капитале присоединяемого общества номинальной стоимостью 10 000 руб. в уставный капитал основного общества; увеличить уставный капитал основного общества до размера 20 000 руб. за счёт

суммирования уставных капиталов основного и присоединяемого общества; утвердить новую редакцию устава основного общества в связи с увеличением размера его уставного капитала, а также с учётом изменений законодательства; определить, что доли в уставном капитале основного общества распределяются среди участников следующим образом: С.В.В. владеет долей в размере 50 % уставного капитала основного общества номинальной стоимостью 10 000 руб., Т.А.В. владеет долей в размере 50 % уставного капитала основного общества номинальной стоимостью 10 000 руб.; зарегистрировать изменения в установленном законом порядке.

2 июня 2019 г. единственным участником ООО «И.» было принято решение, согласно которому в связи с выходом из состава участников общества Т.А.В. и переходом его доли обществу, была распределена доля, принадлежащая обществу в размере 50 % уставного капитала, номинальной стоимостью 10 000 руб., оставшемуся единственному участнику общества С.В.В. в полном размере. Вышеуказанные решения единственных участников обществ, принявших участие в реорганизации, а также решение их совместного общего собрания имели своими последствиями внесение в ЕГРЮЛ записей в отношении обществ.

Полагая, что проведённая ООО «И.» и ООО «Т.» реорганизация юридических лиц в форме присоединения осуществлена в отсутствие разумных экономических или иных целей делового характера и имеет признаки злоупотребления правом по смыслу ст. 10 ГК РФ, а действительной целью лиц, принявших участие в реорганизации, было намерение уклониться от исполнения налоговых обязательств по месту регистрации ООО «Т.», чем нарушаются права налогового органа, МИФНС России обратилась с настоящим иском в арбитражный суд.

По результатам проведения выездной налоговой проверки в отношении ООО «Т.» 26 февраля 2018 г. был составлен акт № 13-12/33 налоговой проверки, которым установлена неуплата налоговых обязательств, а также соответствующая ей пеня. В последующем по результатам рассмотрения

материалов выездной налоговой проверки Инспекцией ФНС России было вынесено решение от 12 августа 2020 г. № 13-12/33р об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым ООО «И.» доначислены налоги и пени.

Суд, частично удовлетворяя заявленные иски, исходил из недобросовестного и противоречивого поведения участников реорганизации, в связи с чем признал доказанным наличие в качестве действительной цели реорганизации намерение уклониться от исполнения налоговых обязательств по месту регистрации ООО «Т.»; признал, что недобросовестность принявших участие в реорганизации юридических лиц направлена на искусственное изменение территориальной подсудности дела, что, с учётом разъяснений п. 1 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием мер противодействия незаконным финансовым операциям, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 г. [52], затрагивает права налоговых органов. Отказывая в удовлетворении части заявленных требований, суд исходил из того, что решения собрания о принятии Т.А.В. в состав участников ООО «И.», об увеличении уставного капитала ООО «И.», распределении долей участников ООО «И.», а также решение о выходе Т.А.В. из состава участников ООО «И.», соответствующие записи в ЕГРЮЛ не относятся к оспариваемой сделке по реорганизации обществ.

Решением Арбитражного суда от 1 июня 2021 г. иски налогового органа удовлетворены частично. Признана недействительной (ничтожной) сделка по реорганизации в форме присоединения ООО «Т.» к ООО «И.». Применены последствия недействительности ничтожной сделки, признаны недействительными: решения единственных участников ООО «Т.» и ООО «И.» от 6 июня 2018 г.; записи в ЕГРЮЛ в отношении ООО «И.» и в отношении ООО «Т.». В удовлетворении иски в остальной части - отказано. Хотелось отметить, что по заявлению общества «В.» 24 июня 2019 г. было возбуждено дело о банкротстве ООО «И.». Решением суда от 11

декабря 2019 г. в отношении общества «И.» была введена процедура конкурсного производства. Решением суда от 14 марта 2023 г. по заявлению ФНС России ООО «Т.» был признано несостоятельным (банкротом); в отношении общества суд ввёл процедуру конкурсного производства.

Таким образом, на основании судебных актов, вступивших в законную силу, и анализа действий рассматриваемых обществ можем сделать вывод, что реорганизация в форме присоединения ООО «Т.» к ООО «И.» была направлена на недобросовестные действия участников обществ с целью уклонения уплаты налогов ООО «Т.» и возможно последующим списанием долгов в процедуре банкротства ООО «И.».

Следующий вопрос защиты прав участников реорганизаций связан с вопросом о признании реорганизации несостоявшейся, что регулируется ст. 60.2 ГК РФ. Как следует из п. 1 ст. 60.2 ГК РФ суд по требованию участника корпорации, голосовавшего против принятия решения о реорганизации этой корпорации или не принимавшего участия в голосовании по данному вопросу, может признать реорганизацию несостоявшейся в случае, если решение о реорганизации не принималось участниками реорганизованной корпорации, а также в случае представления для государственной регистрации юридических лиц, создаваемых путём реорганизации, документов, содержащих заведомо недостоверные данные о реорганизации.

В п. 2 ст. 60.2 ГК РФ предусмотрено, что решение суда о признании реорганизации несостоявшейся влечёт следующие правовые последствия:

- восстанавливаются юридические лица, существовавшие до реорганизации, с одновременным прекращением юридических лиц, созданных в результате реорганизации, о чём делаются соответствующие записи в ЕГРЮЛ;
- сделки юридических лиц, созданных в результате реорганизации, с лицами, добросовестно полагавшимися на правопреемство, сохраняют силу для восстановленных юридических лиц, которые

являются солидарными должниками и солидарными кредиторами по таким сделкам;

- переход прав и обязанностей признаётся несостоявшимся, при этом предоставление (платежи, услуги и т. п.), осуществлённое в пользу юридического лица, созданного в результате реорганизации, должниками, добросовестно полагавшимися на правопреемство на стороне кредитора, признаётся совершённым в пользу управомоченного лица.

Если за счёт имущества (активов) одного из юридических лиц, участвовавших в реорганизации, исполнены обязанности другого из них, перешедшие к юридическому лицу, созданному в результате реорганизации, к отношениям указанных лиц применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ). Произведённые выплаты могут быть оспорены по заявлению лица, за счёт средств которого они были произведены, если получатель исполнения знал или должен был знать о незаконности реорганизации;

- участники ранее существовавшего юридического лица признаются обладателями долей участия в нём в том размере, в котором доли принадлежали им до реорганизации, а при смене участников юридического лица в ходе такой реорганизации или по её окончании доли участия участников ранее существовавшего юридического лица возвращаются им по правилам, предусмотренным п. 3 ст. 65.2 ГК РФ.

В соответствии с п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, если иное не установлено ГК РФ, участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счёт лиц, виновных в утрате доли. Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведёт к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечёт крайне

негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Так, акционер ЗАО «М.» К.В.А. обратился в арбитражный суд с иском к ООО «М.» о признании несостоявшейся реорганизации ЗАО «М.» в форме преобразования в ООО «М.», указывая на наличие корпоративного конфликта в обществе ООО «М.» между заявителем и генеральным директором, в результате недобросовестных действий которого заявитель утратил контроль в обществе.

Как следует из обстоятельств спора, 12 декабря 2014 г. ИФНС была произведена государственная регистрация ООО «М.», созданного в процессе реорганизации путём преобразования ЗАО «М.» (участниками на 10 декабря 2014 г. являлись Е.Ю.Н. – 1268 акций (16,6733 % уставного капитала), ООО «Л.» – 1897 акций (25,0033 % уставного капитала), К.В.А. – 2530 акций (33,3465 % уставного капитала), М.Т.И. – 1895 акций (24,9763 % уставного капитала). Впоследствии участник ООО «Л.» обратилось в ООО «М.» с заявлением от 17 декабря 2014 г. о выходе из состава участников общества и заявлением о выплате действительно стоимости своей доли (60 %). В тот же день доля в размере 60 % перешла к названному обществу. На следующий день (18 декабря 2014 г.) единственный участник общества Е.Ю.Н. принял решение о распределении себе доли в размере 60 % и передаче части недвижимого имущества общества в собственность ООО «Л.» в счёт выплаты действительной стоимости его доли (регистрационное дело ООО «М.»).

Из обстоятельств дела следует, что с целью уменьшения объёма корпоративного контроля со стороны К.В.А. за деятельностью ЗАО «М.» в начале 2014 г. подконтрольный Е.Ю.Н. и Е.Е.Н. Совет директоров Общества совершил действия по вовлечению в оборот погашенных в марте 2004 г. 2530 акций ЗАО «М.», а затем реализовал их А.В.А. путём мены 2524, подлежащих гашению акций ЗАО «М.», который в апреле 2014 г. из указанных акций 629

штук внёс в уставной капитал ООО «Л.», а в июле 2014 г. 1895 акций передал ответчику М.Т.И. Далее акционеры Е.Ю.Н., М.Т.И. и ООО «Л.» в целях полного исключения К.В.А. из числа акционеров Общества и завладения правами на всё имущество ЗАО «М.» провели реорганизацию Общества без участия К.В.А. В результате преобразования общества в ООО «М.» доля участия К.В.А. в обществе снизилась (с 33,3465 % до 0 %), а доля участия Е.Ю.Н. выросла (с 16,6733 % до 40 %). Доля ООО «Л.» также выросла (с 25,0033 % до 60 %). Указанными действиями был причинён существенный имущественный вред К.В.А., выразившийся в утрате имущества (права участия в ЗАО (ООО) «М.»), в связи с чем он обратился с иском. Решением Арбитражного суда исковые требования акционера ЗАО «М.» были удовлетворены [58].

Таким образом, в арбитражной практике часто встречаются споры об оспаривании реорганизации.

3.2 Реорганизация как причина возникновения признаков несостоятельности (банкротства)

В правоприменительной практике суды в последнее время приходят к выводу о том, что реорганизация общества являлась причиной возникновения признаков несостоятельности юридического лица. При исследовании нами арбитражных споров о признании реорганизации недействительной и несостоявшейся по ст. 60.1, 60.2 ГК РФ было установлено, что часть обществ ликвидировано, а большее количество организаций ликвидировано после завершения процедуры банкротства либо находится в процедуре банкротства, в связи с чем считаем необходимым рассмотреть реорганизацию как причину возникновения признаков несостоятельности общества.

В порядке установленным ФЗ № 127 (ст. 7 ФЗ № 127) право на обращение в суд с заявлением о банкротстве обладает сам должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы, а также работник, бывший

работник должника. Как следует из судебной практики обособленных споров в делах о банкротстве, таких как о привлечении бывших учредителей, руководителей, контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, в практике реорганизации имеется закономерность создания схем по уходу от уплаты налогов.

Вышеуказанное находит выражение в дроблении бизнеса, регистрации группы «номинальных», «однодневных» коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с целью создания фиктивного документооборота с бенефициаром для минимизации у бенефициара размера обязательных платежей, подлежащих уплате в бюджет, обналичивания и использования денежных средств в интересах КДЛ, вывод активов на подконтрольные общества, искусственное прекращение деятельности должника с последующим переводом финансово-хозяйственной деятельности на другое лицо и др.

Споры с налоговым органом по уклонению от уплаты от налогов исследуются судами давно, однако на сегодняшний день с учётом динамичного экономического развития страны они не теряют своей актуальности. Например, с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ обратилось общество «СБ» в рамках арбитражного дела № А03-723/2016 [55].

Согласно открытым сведениям КАД в отношении общества «СБ» завершена процедура конкурсного производства, директор ООО «СБ» и ООО «Компания СБ» (получало доход от использования имущества ООО «СБ»; создана одним и тем же учредителем) привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам ООО «СБ»; в ЕГРЮЛ внесена запись о прекращении деятельности юридического лица с 28 ноября 2022 г.

Ликвидация юридического лица после завершения дела о его банкротстве (п. 3 ст. 149 ФЗ № 127) представляет собой обычную процедуру для случаев, если нет иных препятствий. Именно такой вывод изложен в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда

Российской Федерации от 29 января 2024 г. № 305-ЭС23-23298 по делу № А41-

В решении от 31 мая 2019 г. по делу № 305-ЭС19-7040 Верховный Суд РФ [57] указал, что общество получало необоснованную налоговую выгоду путём двух вариантов налоговых схем через организации, которые использовали труд инвалидов, а также в результате «дробления» бизнеса, при использовании 18 взаимозависимых и подконтрольных обществу организаций, сославшись на п. 32 Обзора судебной практики ВС РФ от 16 февраля 2017 г.

Как следует из Картотеки арбитражных дел, налоговый орган несколько раз обращался в суд с заявлением о банкротстве общества «К.», указывая в обоснование наличие задолженности перед бюджетом. В первом случае в введении процедуры банкротства было отказано, дело прекращено в связи с погашением задолженности; во втором случае, налоговый орган заявил отказ в связи с погашением задолженности, в связи с чем дело о банкротстве было прекращено. Отметим, что 18 взаимозависимых и подконтрольных обществу «К.» организаций прекратили деятельность в связи реорганизацией.

Следует отметить, что налоговая служба собирает и анализирует информацию в отношении налогоплательщиков с использованием автоматизированной информационной системы ФНС России (АИС «Налог-3») с соответствии со своими функциями, определяемыми Положением о Федеральной налоговой службе, утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 г. № 506 [49]. Как следует из проанализированных представленных в данной системе документов (судебных актов, исков, заявлений, материалов налоговых проверок и др.), налоговый орган, как правило, относит к признакам фирм-однодневок определённые критерии; некоторые из них действительно, по нашему мнению, указывают на определённые риски, а другие можно отнести к любому действительному обществу. К таким признакам налоговый орган относит: непредставление документации по требованию; наличие открытых

счетов в банках другого региона; отсутствие декларации по налогу на имущество, возраст руководителя или учредителя младше 23 лет; совместительство деятельности руководителя общества с трудовой деятельностью в иных территориально-отдалённых организациях; регистрация руководителя в другом субъекте РФ.

В определении Конституционного Суда РФ от 4 июля 2017 г. № 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247-249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» [45] суд указал, что «налоговое законодательство не исключает в налоговых правоотношениях действия принципа диспозитивности. Однако эта возможность не должна использоваться им для неправомерного сокращения налоговых поступлений в бюджет. При этом должно быть исключено предъявление необоснованных претензий к разделению бизнеса, которое не направлено на злоупотребление правами, поскольку выбор и изменение бизнес-структуры – исключительное право хозяйствующего субъекта» [45].

Основными инструментами защиты кредиторов в рамках процедуры банкротства являются: привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, оспаривание сделок должника, жалобы на арбитражных управляющих.

Поскольку мы исследуем вопрос о том, что именно реорганизация повлияла на возникновение признаков несостоятельности (банкротства), остановимся на спорах, где указанное установлено судами и отражено в судебных актах. Указанное находит своё подтверждение в спорах о признании сделки недействительной и в спорах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, поскольку именно в них суды исследуют причины банкротства общества, оценивают действия руководителей, анализируют экономическую деятельность.

В соответствии с п. 1 ст. 61.1 ФЗ № 127 сделки, совершённые должником или другими лицами за счёт должника, могут быть признаны

недействительными в соответствии с ГК РФ, а также по основаниям и в порядке, предусмотренным главой III.1 указанного Закона. Действия по передаче имущества должника в процессе реорганизации общества, направленные на вывод его активов, могут быть оспорены в соответствии с главой III.1 ФЗ № 127. Указанный подход содержится в имеющейся в настоящее время судебной практике, а именно в определении Верховного Суда РФ от 23 октября 2019 г. № 304-ЭС19-18109 по делу № А45-462/2017 [56], постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 июля г

№ Из материалов спора о признании сделки недействительной в рамках дела № А45-3827/2019 следует, что ООО «РНГО» (далее – должник) и общество «РНК» входят в группу компаний «НТС», находящуюся в состоянии имущественного кризиса со второго полугодия 2018 г. и контролируемую одними и теми же лицами: Н.Е.М., Н.В.М., С.А.С., состоящими в родственных связях, соответственно являющимися аффилированными.

1 При реорганизации общества «РТК» 11 декабря 2018 г. путём выделения из него общества «РНК» составлен передаточный акт от 4 декабря 2018 г., согласно которому «РНК» переданы активы и источники прибыли должника, массив состоял в задолженности перед аффилированным лицом.

/ С начала 2019 г. общество «РТК» не осуществляло хозяйственную деятельность, что подтверждается постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17 сентября 2019 г. по делу № А45-12174/2019 [74]. Согласно указанному судебному акту должнику принадлежали два магазина под единым брендом, однако как минимум с 4 декабря 2018 г. общество «РТК» уже не вело в данных магазинах хозяйственную деятельность. Между тем за счёт полученных от общества «РТК» в ходе реорганизации активов общество «РНК» за период с декабря 2018 г. по февраль 2021 г. уплачено арендодателю (ООО «Э.») в счёт арендной платы за аренду магазина. За счёт полученной от должника в составе активов дебиторской задолженности (права требования по договорам займа) общество «РНК» получило оплату. ООО «Русский купец»

л

у

(подконтрольное аффилированным к должнику лицам) обращается с заявлением о признании общества «РТК» несостоятельным. Кроме того, на момент реорганизации у ООО «РНГО» уже имелись иные обязательства перед кредиторами. При этом анализ бухгалтерского баланса ООО «РНКО» на 30 июня 2018 г. с расшифровкой активов должника свидетельствовал о том, что общество «РТК» обладало признаками неплатёжеспособности с 5 августа 2018 г.

Проанализировав обстоятельства дела, суды пришли к выводу, что в результате взаимосвязанных действий группы лиц по реорганизации ООО «РТК» вновь созданному ООО «РНК» были переданы активы и источники прибыли должника, пассив состоял в задолженности перед аффилированным лицом, погашенной за счёт изъятых у должника в результате реорганизации доходов; ответчиком не раскрыта хозяйственная цель реорганизации, её добросовестность с учётом экономического положения должника, который и сам успешно справлялся с арендой, имел экономическое положение и доход, позволяющие исполнять свои обязательства. Ни в коей мере не раскрыта и документально не подтверждена указанная ответчиком оптимизация бизнес-процессов, не представлены соответствующие бизнес-планы, экономические расчёты. Таким образом, выделение из ООО «РНГО» общества «РНК» преследовало цель выведения активов должника на нового члена группы, не входящего в круг солидарных должников по крупнейшей кредитной задолженности. Подобные действия не являются добросовестными. Сделки признаны судом недействительными.

Норма п. 1 ст. 61.11 ФЗ № 127 предусматривает возможность привлечения КДЛ к ответственности по его долгам в ситуации, когда их виновным поведением вызвана невозможность удовлетворения требований кредиторов.

Так любой процесс о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности должен проводиться с изучением причин несостоятельности должника [60]. Исходя из разъяснений, данных в п. 1 постановления Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [36] (далее – постановление № 53), привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (п. 1 ст. 48 ГК РФ), его самостоятельную ответственность (ст. 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ).

Рассмотрим дело о банкротстве в отношении ООО «Телеком-Актив», которое было возбуждено на основании заявления налогового органа. Задолженность общества образовалась по результатам выездной налоговой проверки в виде суммы доначисленных налогов (выявлены операции с сомнительными контрагентами, в результате которых выводились денежные средства).

Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 14 сентября КДЛ к субсидиарной ответственности судами были рассмотрены следующие обстоятельства. Учредителем должника и иными участниками и сотрудниками общества «ФК «Премиум» была создана схема по уходу от налогообложения путём регистрации группы номинальных организаций и ИП с целью создания фиктивного документооборота с должником для минимизации у общества ООО «Телеком-Актив» размера обязательных платежей, подлежащих уплате в бюджет. Учитывая изложенное, конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц. В удовлетворении

требования суд отказал, поскольку в реестре требований кредиторов были установлены требования одного кредитора (ФНС России), при этом вступившим в законную силу судебным актом требования налогового органа были исключены из реестра в связи с полным возмещением причинённого бюджетной системе ущерба.

Из этого следует, что подобными действиями бенефициары через третье лицо фактически избежали солидарного взыскания задолженности, а сумма неуплаченных налогов была возмещена бюджету.

Однако подобные действия крайне редко встречаются, чаще ответчики любыми способами пытаются избежать ответственности.

Помимо объективной стороны правонарушения, связанной с нарушением обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд в случаях и в срок, установленный ст. 9 ФЗ № 127, исходя из общих положений о гражданско-правовой ответственности для определения размера субсидиарной ответственности, предусмотренной ст. 61.12 ФЗ № 127, имеет значение причинно-следственная связь между неподачей в суд заявления о признании должника банкротом и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, а также вина субъекта ответственности.

Как отмечено в определении Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2018 № 306-ЭС17-13670(3) [61], по смыслу разъяснений, данных в п. 9 постановления № 53, при исследовании совокупности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной названной нормой (ст. 61.12 ФЗ № 127), следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 61.12 ФЗ № 127.

Таким образом, для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по указанному основанию момент

возникновения соответствующей обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов. В связи с этим в процессе рассмотрения такого рода заявлений, помимо прочего, необходимо учитывать режим и специфику деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определённый период могут быть вызваны преодолимыми временными обстоятельствами.

По смыслу приведённых выше норм права и разъяснений высшей судебной инстанции ответственность за неподачу или несвоевременную подачу заявления о банкротстве должника является следствием недобросовестного поведения контролирующих лиц, скрывающих реальное финансовое состояние подконтрольного лица от независимых кредиторов.

Согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015 [62], судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно сопровождаться изучением причин несостоятельности должника.

Так, в рамках дела о банкротстве ООО «Орион» при рассмотрении спора о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности одним из доводов конкурсного управляющего являлся довод, что присоединение ООО «АТ», ООО «МТ», ООО «РК Щ» к ООО «ОРИОН» фактически прикрывало ликвидацию данных лиц (первые два из которых имели значительный объём кредиторской задолженности). Согласно передаточным актам при реорганизации обществ правопреемнику – должнику были переданы активы на сумму более 97 млн. руб. (свыше 47 млн. руб. от ООО «АТ», на 85 000 руб. от ООО «РК Щ», свыше 50 млн. руб. от ООО «МТ»), в том числе (по

имеющимся расшифровкам): запасы, дебиторская задолженность, финансовые вложения, основные средства и др.

Суд установил, что реорганизация проводилась в форме присоединения к должнику ряда юридических лиц, обременённых значительными обязательствами, при этом у должника на момент реорганизации отсутствовали какие-либо собственные активы и обязательства, а руководитель ООО «ОРИОН» являлся одновременно массовым руководителем и учредителем иных лиц. Фактически присоединение обществ к должнику производилось не в целях продолжения деятельности ООО «ОРИОН», а для его ликвидации и неоплаты имеющей задолженности, перешедшей к должнику от присоединённых обществ.

Согласно материалам дела и представленным документам все участники обществ принимали решения о реорганизации, утверждении Устава общества, назначении его руководителя и иные решения, связанные с этим. Таким образом, с высокой степенью вероятности суд предположил вовлечённость всех заинтересованных лиц в приведённую выше схему, при этом разумные сомнения в правомерности и экономической целесообразности принятых решений по реорганизации должника в форме присоединения к нему обществ ООО «АТ», ООО «МТ», ООО «РК Щ» никем из заинтересованных лиц опровергнуты не были. При таких обстоятельствах суд признал доказанным наличие оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника по заявленным конкурсным управляющим основаниям невозможности погашения требований кредиторов в связи с действиями (бездействием) контролирующих лиц и взыскал солидарно в пользу должника 34 393 874,76 руб. в порядке привлечения к субсидиарной ответственности.

Таким образом, видится целесообразным на законодательном уровне закрепить ответственность за принятие решение о реорганизации общества, вследствие которого у первичного общества образовались признаки несостоятельности (банкротства). В таком случае возможность привлечения к

субсидиарной ответственности может быть отнесена на всех участников, принимавших решение о реорганизации общества [63], [72]. Кроме того, мы видим из приведённых примеров судебной практики, что вследствие принятия бенефициаром действий по уклонению от уплаты обязательных платежей, не передачей всей документации должника (как правило с целью сокрытия неправомερных действий руководителя) и иных недобросовестных действий в банкротство подпадает вся корпоративная группа, в том числе сам бенефициар как физическое лицо (при его установлении). Так происходит в том случае, если бенефициар, располагающий всеми или основными активами, не предотвратил своё привлечение к ответственности посредством создания, реорганизации множества предприятий, формально обладающих самостоятельной юридической силой. Однако банкротство корпоративной группы как единое целое ФЗ № 127 не предусмотрено, но всё чаще в спорах о субсидиарной ответственности суд обращает на это внимание. Одновременно возникает коллизия о привлечении субсидиарного ответчика по обязательствам должника в каждом банкротном деле в рамках обязательств корпоративной группы.

Как следует из приговора Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 9 октября 2020 г. по делу № 1-590/2020 [75] З.П.В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов), и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб. При вынесении приговора судом было установлено, что в 2018 г., но не позднее 24 апреля 2018 г. у З.П.В. возник преступный умысел, направленный на уклонение от уплаты НДС с Общества в крупном размере путём включения в налоговые декларации по НДС заведомо ложных сведений о суммах налоговых вычетов и налога, подлежащего уплате в бюджет, а именно: завысить вычеты, которые якобы причитались ООО «Алтын» от сделок по приобретению обществом товаров (работ, услуг), но в действительности им не совершались. Не позднее той же даты З.П.В., реализуя свой преступный умысел, при неустановленных следствием обстоятельствах

подыскал ООО «Партнер», ООО «Виола», ООО «Параллель», ООО «Агропрод», ООО «Рубикон», ООО «Агромир-Плюс», ООО «Бизнес Континент», ООО «ПК Содружество», ООО «Стратегия», ООО «Профит», ООО «ТД АЮЗ им. А.Н. Демидова», ООО «Торнадо», ООО «Квартал», ООО «Долор», ООО «Трейд-Агро, ООО «Баквит-Алтай», ООО «СК Универсал Строй», которые какой-либо коммерческой деятельности не вели и финансово-хозяйственных взаимоотношений с ООО «Алтын» не имели. В период с 1 января 2018 г. по 12 ноября 2019 г. на территории Алтайского края и Республике Алтай З.П.В. при не установленных следствием обстоятельствах приискал фиктивные счета-фактуры с выделенными в них суммами НДС, составленные от имени перечисленных организаций в адрес ООО «Алтын», хотя действительности это не соответствовало. Таким образом, за 2018-2019 гг. общая сумма НДС по якобы поставленному товару (работам, услугам) Обществу ООО «Алтын» составила 15 980 966 руб., в связи с чем у ООО «Алтын» искусственно возникло право на получение налоговых вычетов в том же размере. В действительности же указанный хозяйствующие субъекты товары (работы, услуги) в адрес ООО «Алтын» не поставляли и свои обязанности налогоплательщиков, в том числе связанные с уплатой НДС на указанную сумму в соответствии с требованиями НК РФ, не исполняли. В результате материнское общество ООО «Алтын», как и сам З.П.В. и иные подконтрольные ему общества, находятся в процедуре банкротства. Из этого следует, что законодателю следовало бы рассмотреть вопрос о внесении дополнений в главу IX ФЗ № 127 или выделить как отдельную главу, посвящённую банкротству корпоративной группы лиц. Полагаем, это способствовало бы более эффективному рассмотрению дела не только с точки зрения привлечения бенефициара к ответственности по всем обязательствам, но и с точки зрения процессуальных сроков, формирования одной конкурсной массы (так как при оспаривании взаимосвязанных сделок, совершённых группой лиц, имущество будет возвращено первичному обществу).

Таким образом, комбинированную реорганизацию коммерческих организаций при наличии на то предусмотренных действующим законодательством оснований можно оспорить ввиду её недействительности либо признать несостоявшейся. Практика показывает, что, как правило, в отдельных случаях комбинированная реорганизация может быть использована хозяйствующим субъектом для дальнейшего банкротства реорганизуемой коммерческой организации с целью её ухода от налогов.

Заключение

Рассмотренные в исследовании вопросы позволили нам сформулировать следующие выводы.

До принятия действующего ГК РФ и Федерального закона «Об акционерных обществах» в отечественном законодательстве института комбинированной реорганизации коммерческих организаций не существовало. В дореволюционных документах и нормативных правовых актах советского периода упоминается возможность проведения отдельных форм реорганизации лишь для определённых хозяйствующих субъектов.

Также законодательно не закреплены и виды комбинированной реорганизации, хотя в правовой теории предпринималась попытка провести их дифференциацию на смешанную, совмещённую и комплексную, объединённую единым термином «комбинированная реорганизация». Между тем, как представляется, для упрощения правоприменения в данном вопросе следует ограничиться делением видов реорганизаций на общую (использование какой-либо одной формы, предусмотренной законом) и комбинированную (единовременное применение нескольких форм реорганизации в едином процессе реорганизации).

Решение о проведении комбинированной реорганизации представляет собой локальный акт, который опосредует сложный юридико-фактический состав комбинированных реорганизаций, выраженный либо в едином документе, либо в двух и более документах (в зависимости от формы реорганизации); при этом воля всех голосовавших за реорганизацию лиц направлена именно на проведение комбинированной реорганизации, а не на составляющие отдельные её формы.

Основные особенности формирования органов управления вновь создаваемой(ых) путём реорганизации организации(й) сводятся к тому, что в отдельных случаях данный вопрос не вызывает каких-либо сложностей, поскольку органы управления некоторых юридических лиц имеют много

тождественных черт и, хотя называются по-разному, выполняют одинаковые функции, что справедливо для акционерных обществ, производственных кооперативов и обществ с ограниченной ответственностью; в то же время органы управления создаваемых «транзитных» организаций-фикций вообще не функционируют, и вопрос об их формировании стоять не должен; в случаях же создания в результате комбинированной реорганизации нового юридического лица, имеющего иную организационно-правовую форму с несовпадающими органами управления, формирование последних должно осуществляться в соответствии с положениями специального законодательства.

Для снижения рисков кредиторов в случае проведения комбинированной реорганизации действующим законодательством предусматривается ряд гарантий преимущественно компенсационного характера; вместе с тем, данные нормы не лишены некоторых проблем и несостыковок.

Комбинированную реорганизацию коммерческих организаций при наличии на то предусмотренных действующим законодательством оснований можно оспорить ввиду её недействительности либо признать несостоявшейся. Практика показывает, что в отдельных случаях комбинированная реорганизация может быть использована хозяйствующим субъектом для дальнейшего банкротства реорганизуемой коммерческой организации с целью её ухода от налогов.

Проанализированные в исследовании проблемы правового регулирования проведения комбинированной реорганизации позволили нам сформулировать следующие предложения по его совершенствованию.

Во-первых, видится целесообразным на законодательном уровне закрепить ответственность за принятие решение о реорганизации общества, вследствие которого у первичного общества образовались признаки несостоятельности (банкротства). В таком случае возможность привлечения к субсидиарной ответственности может быть отнесена на всех участников, принимавших решение о реорганизации общества.

Во-вторых, для защиты прав кредиторов видится необходимым дополнить ст. 60.1 ГК РФ и нормы специальных законов положением о том, что при реорганизации в форме разделения или выделения, при которой образуются юридические лица иных организационно-правовых форм, каждый участник, кто голосовал против такой реорганизации, не принимал участия в голосовании либо голосовавший за принятие решения или воздержавшийся от голосования в случаях, если его волеизъявление при голосовании было нарушено, должен получить доли (паи, акции) каждого создаваемого путём реорганизации в форме разделения или выделения юридического лица иной организационно-правовой формы, предоставляющие те же права, что и принадлежащие ему доли (паи, акции) реорганизуемого общества, пропорционально их числу.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Асташкина А. А., Стародумова С. Ю. Институт реорганизации юридических лиц в свете изменений ГК РФ // Евразийский Союз Учёных. 2015. № 6-5 (15). С. 6–7.
2. Беялова А. М. Правовые основы реорганизации юридических лиц : история и современность // Экономика. Право. Общество. 2016. № 4 (8). С. 15–
3. Боханова Е. Н. Порядок осуществления сложных реорганизаций // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2012. № 2. обращения: 14.03.2024).
4. Будаева А. Ф. Формы реорганизации корпораций // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 7–2. С. 95–101.
5. Бунякин М., Федорчук Д. Реорганизация: новая жизнь компании // Корпоративный юрист. 2015. № 2. С. 52–57.
6. Венедиктов А. В. Слияние акционерных компаний // Труды студентов экономического отделения Петроград. политех. ин-та. № 15. Пг. : Изд. Петроград. политех. ин-та, 1914. 369 с.
7. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект) М. : Статут, 2014. 880 с.
8. Глушецкий А. А. Комплексная реорганизация : полезное новшество, плохо соотносящееся с природой юридического лица // Закон. 2021. № 11. С. 139–154.
9. Голлоев А. О. История развития законодательства о реорганизации юридических лиц // Вестник магистратуры. 2020. № 4–3 (103). С. 102–104.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / Под ред. Л. В. Санниковой [Электронный ресурс] / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др. М. : Статут, 2015. URL: (дата обращения: 14.03.2024).

15. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. (Утратил силу).

16. Гражданское право : учебник / Отв. ред. Е. А. Суханов. В 4 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 576 с.

17. Данилова Ж. В. Формы реорганизации и права кредиторов // Право и политика. 2013. № 11 (166). С. 1579–1590.

18. Закон о реорганизации Германии / *Umwandlungsgesetz* // Artikel 1 des G

e 19. Качалова А. В. Осуществление и защита прав участников хозяйственных обществ при реорганизации / Под ред. А. В. Бабаевой. М. : Инфотропик, 2013. 200 с.

t 20. Келарева Е. В. Реорганизация хозяйственных обществ с одновременным сочетанием различных ее форм: пути совершенствования и развития // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 86–92.

s 21. Корпоративное право : учеб. курс. В 2 т. / Отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017. 975 с.

z 22. Кузнецов А. А. Основания защиты участников (акционеров) при реорганизации // Гражданское право. 2021. № 2. С. 13–15.

r 23. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

В

е

г

24. Нуждин Т. А. К проблеме конвергенции способов оспаривания реорганизации юридических лиц в законодательстве и судебной-арбитражной практике // Арбитражные споры. 2021. № 3. С. 31–46.

25. Нуждин Т. А. Комбинированная реорганизация юридических лиц // Право. 2018. № 1. С. 133–157.

26. Нуждин Т. А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 456 с.

27. Нуждин Т. А. Понятие и модели смешанной реорганизации коммерческих организаций по законодательству Российской Федерации // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 84–100.

28. Нуждин Т. А. Понятие, классификация и правовая природа комбинированной реорганизации юридических лиц // Право и экономика. 2018. № 11. С. 59–64.

29. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

30. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

31. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

32. О именовании компании, составившейся для промыслов и торговли по Северо-Восточному морю промыслов и торговли Российско-американской компанией : Указ Павла I от 01.07.1799 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXV. 1798–1799. Печатано в Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 19030.

33. О национализации сберегательно-вспомогательных касс российских железных дорог : Декрет СНК РСФСР от 10.10.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 74. Отд. 1. Ст. 809. (Утратил силу).

34. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

35. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» : Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

36. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

37. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

38. О порядке создания, реорганизации и ликвидации предприятий, объединений, организаций и учреждений : Постановление Совмина СССР от 02.09.1982 № 816 (ред. от 21.12.1989) // СП СССР. 1982. № 25. Ст. 130.

39. О предприятиях и предпринимательской деятельности : Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 (ред. от 30.11.1994) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

40. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

41. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

42. О хозяйственных партнёрствах : Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.

43. Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

44. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

45. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 № 1440-О.

46. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Корпоративное управление, специальные административные районы, процедура банкротства, оценочная деятельность» : Распоряжение Правительства РФ от 02.07.2020 № 1723-р (ред. от 29.12.2023) // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4689.

47. Об утверждении Положения о государственных промышленных трестах : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 29.06.1927 // СЗ СССР. 1927. № 39. Ст. 391, 392. (Утратило силу).

48. Об утверждении Положения о сельскохозяйственной кооперации : Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.10.1927 // СУ РСФСР. 1927. № 109. Ст. 736. (Утратило силу).

49. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе : Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 (ред. от 09.11.2023) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.

50. Об утверждении Положения об акционерных обществах : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17.08.1927 // СЗ СССР. 1927. № 49. Ст. 499. (Утратило силу).

51. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств : Приказ ФНС России от 31.08.2020 № ЕД-7-14/617@

(ред. от 09.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации.

52. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12.

53. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1, 2, 3.

54. Определение Верховного Суда РФ от 20.02.2017 № 305-ЭС16-20606 по делу № А40-236949/2015.

55. Определение Верховного Суда РФ от 21.11.2017 № 304-КГ17-16800 по делу № А03-723/2016.

56. Определение Верховного Суда РФ от 23.10.2019 № 304-ЭС19-18109 по делу № А45-462/2017.

57. Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2019 № 305-ЭС19-7040 по делу № А40-195593/2017.

58. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.11.2019 по делу № 310-ЭС19-9515, А35-3159/2018.

59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2024 № 305-ЭС23-23298 по делу № А41-72913/2022.

60. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-

61. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.03.2018 по делу № 306-ЭС17-13670(3), А12-

62. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам

В

е

р

х

63. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014.

64. Пахаруков А. А., Чумбадзе Т. Т. Проблемы осуществления комбинированной реорганизации юридических лиц // Молодая наука Сибири. 2021. № 2. URL: <https://mnv.irkups.ru/toma/212-2021> (дата обращения:

65. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.07.2019 № Ф02-1985/2019 по делу № А58-5655/2017.

66. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.05.2017 № Ф05-6874/2017 по делу № А40-150853/2016.

67. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2023 № Ф06-4166/2023 по делу № А65-21699/2022.

68. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.03.2017 № Ф07-1085/2017 по делу № А44-2570/2016.

69. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.04.2017 № Ф07-3011/2017 по делу № А56-4670/2016.

70. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.03.2016 № Ф09-11270/15 по делу № А60-11883/2015.

71. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.09.2022 № Ф09-5952/21 по делу № А50-17331/2019.

72. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

73. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.03.2011 № 16555/10 по делу № А41-6959/10.

74. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2019 № 07АП-8287/2019 по делу № А45-12174/2019.

75. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 09.10.2020 г. по делу № 1-590/2020.

76. Филиппов В. Г. О нецелесообразности смешанного способа реорганизации коммерческих организаций // Известия Тульского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 98–102.

77. Филякина Д. С. К вопросу о понятии и формах реорганизации корпораций // Гражданское право. 2018. № 5. С. 41–44.

78. Юридические лица в гражданском праве зарубежных стран: монография / О. В. Гаврилюк, Н. И. Гайдаенко Шер, Д. О. Грачев и др.; отв. ред. Н. Г. Семилютина. М. : ИНФРА-М, 2018. 432 с.

79. Ahoua D. Le nouveau droit de la restructuration des societes commerciales des pays de l'OHADA, comparaisons avec le droit francais // Droit. Universite de Bordeaux. 2015. 463 p.

80. Dam C., van. European Tort Law. Oxford, OUP, 2013. 656 p.

81. Dewey J. The Historic Background of Corporate Legal Personality. The Yale Law Journal. 1926. Vol. 35. №. 6. P. 655 - 673.

82. Dodd E.M., Jr. For Whom Are Corporate Managers Trustees? Harvard Law Review. 1932. Vol. 45. №. 7. P. 1145 - 1163.

83. Manns L. D. Dominance in the Oil Industry : Standard Oil from 1865 to 1911 // Market Dominance: How Firms Gain, Hold, or Lose it and the Impact on Economic Performance; Ed. By D.I. Rosenbaum. Westport : Praeger, 1998. 280 p.

84. Osman A. La fusion des societes commerciales en droit francais et syrien (etude comparative) // Droit. Universite Rennes 1, 2015. 508 p.

85. Sippel C. Auswirkungen von umwandlungsgesetzlichen Unternehmensumstrukturierungen auf gewerberechtliche Erlaubnisse mit Zuverlässigkeitsanknüpfung. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Rechtswissenschaft an der Universität Konstanz, Fachbereich Rechtswissenschaft vorgelegt von. Tag der mündlichen Prüfung : 2008. 326 p.

86. Yergin D. The Prize : The Epic Quest for Oil, Money and Power. New York : Simon & Schuster, 1991. 945 p.